BF
198
.S8

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

GPO

5-480
5537
v

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ПСИХО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НАПИСАННОЕ

СЪ ЦѢЛІЮ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ

ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

доктором Іенскаго университета и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета

Генрихомъ Струве.

МОСКВА.

1870.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ПСИХО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НАПИСАННОЕ

СЪ ЦѢЛІЮ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ

ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

доктором Іенскаго университета и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета

Struve, Genrich Igorovich

Генрихомъ Струве.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

M

BF198
.R9S8

104827
08

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета печатать дозволяется. 1870 г. 10го февраля.

Деканъ П. Юркевичъ.

19

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

ПСИХО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій, или, какъ обыкновенно говорятъ, о существованіи души, безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ самымъ важнымъ вопросамъ настоящаго времени. Правда, въ послѣднія десять лѣтъ появилось значительное число разнородныхъ, по большей части популярныхъ сочиненій, которыя разбираютъ этотъ вопросъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Цѣль однихъ изъ этихъ сочиненій — отвергнуть положительное рѣшеніе этого вопроса; другихъ же—защитить самостоятельность духовнаго бытія человѣка отъ нападокъ новѣйшаго матеріализма, ссылающагося на очевидные успѣхи естественныхъ наукъ. Но при всемъ томъ нельзя сказать чтобъ обиліе помянутыхъ сочиненій дѣлало совершенно излишними безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса и попытку его критическаго рѣшенія. Различіе мнѣній по этому вопросу до сихъ поръ еще такъ велико и недоразумѣнія между борющимися сторонами такъ многочисленны что каждый, кто безпри-

страстно понимаетъ трудности предмета, охотно встрѣтитъ всякую попытку внести сюда ясность и точность, и въ подобномъ стремленіи усмотритъ полезное подготовленіе къ окончательному рѣшенію вопроса. И хотя, естественно, мы не будемъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ такимъ ожиданіямъ; однакоже критическое изслѣдованіе этого вопроса, опредѣленіе степени его важности и отысканіе соотвѣтственныхъ началъ для его окончательнаго рѣшенія, мы полагаемъ, вполнѣ достойны основательнаго и добросовѣстнаго труда.

Чтобы путемъ систематическаго изслѣдованія достигнуть этой цѣли, яснаго и точнаго изученія нашего вопроса, мы весь нашъ трудъ расположимъ слѣдующимъ образомъ. Сначала мы обратимъ вниманіе на общія основанія нашего вопроса, на его значеніе для развитія современныхъ нравственныхъ и общественныхъ понятій и для самой философіи; затѣмъ разсмотримъ разные методы которые были употребляемы для рѣшенія этого вопроса, и изберемъ методъ которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ; наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на литературу представляющую попытки окончательнаго рѣшенія вопроса. Послѣ такого подготовленія мы приступимъ къ главной задачѣ нашего сочиненія, требующей критическаго изслѣдованія физіологическихъ и психологическихъ основаній вопроса о существованіи самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, и вывода началъ разрѣшающихъ, если возможно, окончательно всѣ сомнѣнія относительно этого предмета.

ГЛАВА I.

Значеніе вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій находится въ тѣснѣйшей связи со многими другими, имѣющими огромное вліяніе на общее развитіе человѣческихъ отношеній. Отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія этого вопроса зависятъ два разныя міровоззрѣнія, которыя заключаютъ въ себѣ враждебныя другъ другу практическія стремленія во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

I.

Такъ, прежде всего, рѣшеніе нашего вопроса имѣетъ самое важное вліяніе на *религіозныя* и *нравственныя* понятія настоящаго времени.

Существующій порядокъ церкви и государства, всѣ вѣрованія касающіяся связи человѣка съ Богомъ, всѣ нравственныя отношенія людей между собою, зависятъ въ своемъ началѣ отъ того убѣжденія что духовная жизнь человѣка основывается на самостоятельномъ началѣ, которое подлежитъ особеннымъ законамъ, независимымъ отъ физическаго закона перемѣны и необходимости; что человѣкъ не есть исключительно физическое существо, которое не въ состояніи сопро-

тивляться неизмѣняемымъ процессамъ матеріальнаго бытія, но что онъ въ сущности своей одаренъ силами особаго рода, при помощи которыхъ можетъ владѣть собою, быть свободнымъ и самостоятельнымъ, а вслѣдствіе того и отвѣтственнымъ за свои дѣйствія предъ самимъ собою, предъ обществомъ и государствомъ.

Эту зависимость всѣхъ нашихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій отъ рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій очень легко доказать порознь въ отдѣльныхъ отношеніяхъ.

1. Такъ, вопервыхъ, что касается *религіозныхъ* понятій, то очевидно что принятіе существованія души, какъ особеннаго самостоятельнаго, отъ физическихъ законовъ независимаго начала, соединяется тѣснѣйшимъ образомъ съ вѣрою въ существованіе Бога. Кто отвергаетъ существованіе самостоятельнаго душевнаго начала въ физическомъ бытіи человѣка, тотъ никоимъ образомъ не можетъ вѣрить въ существованіе подобнаго самостоятельнаго начала въ бытіи вообще. Понятіе о Богѣ покажется ему столь же лишнимъ для объясненія общаго бытія природы и ея явленій, сколько лишнимъ считаетъ онъ понятіе о душѣ при изслѣдованіи явленій человѣческой жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ физическое начало матеріи служитъ единственнымъ основаніемъ для изъясненія всѣхъ вообще явленій бытія. Матеріалистическое воззрѣніе въ области психологіи влечетъ за собою необходимо атеизмъ въ общемъ воззрѣніи на міръ.

Этотъ выводъ мы и дѣйствительно встрѣчаемъ у всѣхъ матеріалистовъ, которые логически развиваютъ основныя начала своего воззрѣнія. По ихъ мнѣнію, все происходитъ изъ матеріи, изъ физическихъ силъ, и поэтому они и въ понятіяхъ о душѣ, о Богѣ и т. п. не видятъ ничего другаго кромѣ произвола фантазіи и идеализма.

Напротивъ того люди религіозные, вѣрующіе въ Бога и

Его отношеніе къ человѣку, защищаютъ существованіе самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, какъ основаніе необходимое для поддержанія высшихъ религіозныхъ стремленій человѣческаго рода. Всѣ вопросы о религіи, о ея правѣ или неправѣ, о ея благодѣтельномъ или вредномъ вліяніи на развитіе человѣческаго рода, о положеніи какое она должна занимать въ разумно-устроенномъ обществѣ, могутъ быть рѣшены только на основаніи глубокихъ психологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ такъ-называемыя религіозныя нужды и чувствованія человѣка. Рѣшеніе же всѣхъ этихъ вопросовъ, въ смыслѣ религіознаго міровоззрѣнія, требуетъ предварительнаго доказательства самостоятельнаго существованія души, то-есть независимости душевныхъ явленій отъ слѣпаго дѣйствія физическихъ силъ.

Такимъ образомъ мы видимъ что рѣшеніе нашего вопроса не только находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ самыхъ важныхъ религіозныхъ вопросовъ настоящаго времени, но и составляетъ необходимое научное основаніе для критическаго изученія всѣхъ этихъ вопросовъ.

2. Такую же силу имѣетъ вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій и для *общественныхъ* отношеній людей между собою. Весь нравственный и законный порядокъ общества и государства основывается доселѣ на предположеніи что человѣкъ одаренъ свободною волею, что онъ самостоятельно распоряжается своими дѣйствіями, а вслѣдствіе того и въ состояніи отвѣчать за нихъ. На основаніи этого предположенія, мы призываемъ преступника къ судебной отвѣтственности и наказываемъ съ человѣколюбивою цѣлью улучшить его и возвратить обществу исправленнымъ. Точно такъ и вся вѣра въ возможность усовершенствованія человѣческаго рода, вся дѣятельность относительно воспитанія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, всѣ общественныя и государственныя учрежденія, имѣющія нравствен-

ный характеръ, условливаются предположеніемъ свободы человѣка, условливаются мнѣніемъ что человѣкъ силою своей воли въ состояніи перемѣнить какъ свою собственную дѣятельность, такъ и разныя отношенія среди которыхъ онъ живетъ и дѣйствуетъ.

Еслибы психологическія изслѣдованія въ духѣ матеріалистической теоріи, отвергающей существованіе души, привели образованные народы къ убѣжденію что вышепомянутое предположеніе о свободной волѣ не имѣетъ соотвѣтственнаго основанія въ дѣйствительной жизни человѣка, что такъ-называемая свободная воля есть не что̀ иное какъ вымыселъ фантазіи минувшихъ временъ, то вслѣдъ за уничтоженіемъ такого предположенія, основаннаго на принятіи самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, измѣнились бы и всѣ общественныя и государственныя отношенія. Тогда общество уже не имѣло бы никакого основанія наказывать преступника; оно сказало бы себѣ что въ сущности преступники не отвѣтственны за свои дѣйствія и, какъ физическія существа не имѣющія ни души, ни свободной воли, совершаютъ ихъ безъ истиннаго сознанія, безъ возможности противиться силамъ побуждающимъ къ нимъ вслѣдствіе физической необходимости. Въ такомъ случаѣ общество признавало бы право принимать противъ преступниковъ только такія охранительныя мѣры какія принимаются противъ другихъ вредныхъ физическихъ явленій, напримѣръ, противъ эпидеміи, наводненія, пожаровъ и пр. Но никогда не могло бы оно основываться на какомъ-либо нравственномъ началѣ; никогда не могло бы думать объ улучшеніи и усовершенствованіи людей посредствомъ нравственныхъ мѣръ, закона и наказанія. Вообще люди несвободные никогда не были бы въ состояніи совершать какое-нибудь дѣйствіе съ ясною, обдуманною цѣлью, и общество такихъ существъ оставалось бы всегда въ подчиненіи слѣпому дѣйствію физическихъ силъ и ихъ неизмѣняе-

мымъ законамъ. Такое общество никогда не могло бы и думать объ обладаніи этими физическими пружинами общественнаго развитія при помощи разума и воли, потому что эти послѣднія душевныя явленія были бы не что̀ иное какъ только послѣдствія тѣхъ же физическихъ силъ.

Словомъ, отрицаніе самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, измѣнило бы всѣ наши нравственныя понятія, которыми донынѣ руководились образованные народы. Потому-то научное оправданіе всѣхъ этихъ, матеріализмомъ отвергаемыхъ, нравственныхъ понятій есть существенная необходимость; но оно требуетъ прежде всего критическаго изслѣдованія вопроса о существованіи души. *

II.

Кромѣ разсмотрѣннаго общаго значенія, вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій особенно важенъ и для *философіи*.

1. Всѣ метафизическія воззрѣнія на первыя начала міра и бытія основываются всегда на предварительномъ рѣшеніи вопроса о сущности нашего собственнаго человѣческаго бытія. Всякая истинная философія, ведетъ ли она себя отъ Сократа, Картезія и Канта, основывается на самопознаніи, на сознаніи дѣйствующихъ въ нашемъ бытіи силъ. Хотя многіе изъ философовъ и не признаютъ этого психологическаго на-

* Матеріалистическіе выводы которые истекаютъ изъ отрицанія существованія души и находятся въ поразительномъ противорѣчіи съ цѣлымъ нравственнымъ и законнымъ порядкомъ образованныхъ народовъ, всего яснѣе выражаются въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго Фохта, который говоритъ: „Человѣкъ, подобно животному, просто машина; его дѣйствіе есть слѣдствіе его организма.“ „Свободной воли нѣтъ, а потому и нѣтъ отвѣтственности и никакихъ другихъ требованій, которыя навязываютъ намъ *нравственность и уголовное право*.“

чала своихъ системъ, утверждая что исходная точка ихъ философствованія есть объективное воззрѣніе на независимое отъ самосознанія бытіе; однакоже критическій разборъ всѣхъ философскихъ системъ вообще совершенно ясно доказываетъ что каждый философъ переноситъ на внѣшній міръ лишь свои понятія о сущности внутренняго бытія человѣка и въ этомъ внѣшнемъ мірѣ усматриваетъ только отблескъ собственнаго сознанія.

Идеалистъ доходитъ до такъ-называемаго идеалистическаго міровоззрѣнія и защищаетъ его съ полнымъ убѣжденіемъ, только вслѣдствіе того что въ самомъ себѣ ощущаетъ существо, которое само противопоставляетъ себя матеріальному и физическому бытію. Онъ наблюдаетъ въ себѣ идеальное начало бытія путемъ самопознанія. Матеріалистъ же оправдываетъ свою теорію предъ самимъ собою на основаніи совершенно противоположныхъ психологическихъ явленій, на основаніи сознанія своей полной зависимости отъ физическихъ силъ и невозможности противиться ихъ дѣйствію. И въ этой невозможности или несклонности противиться матеріальному бытію, въ этомъ сознаніи безусловной зависимости отъ тѣла, представляется намъ истинное психологическое начало всякой матеріалистической теоріи.

Словомъ, метафизика каждой философіи по необходимости всегда есть слѣдствіе предшествующихъ *психологическихъ* понятій философа, и только предпосылая психологическія изслѣдованія можетъ онъ оправдывать и доказывать содержаніе своего міровоззрѣнія.

2. Съ такимъ значеніемъ психологическаго вопроса о существованіи души, основаннымъ на субъективномъ началѣ философствованія, соединяется еще слѣдующее обстоятельство, важное особенно въ методологическомъ отношеніи. При изученіи вопроса о сущности первоначальнаго основанія общаго бытія, наши собственныя душевныя явленія представ-

ляютъ намъ ближайшій и самый вѣрный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Всѣ изслѣдованія касающіяся вопроса, изъ какихъ элементовъ состоитъ бытіе, дѣйствительно ли оно есть только слѣпая матерія подлежащая извѣстнымъ законамъ физической необходимости, или оно содержитъ какое-либо умственное, духовное начало, оправдывающее разныя идеальныя воззрѣнія на міръ,—всѣ эти изслѣдованія могутъ быть ведены только на основаніи изученія сущности человѣческаго бытія. Здѣсь, въ человѣческомъ бытіи, соединяются самыя высшія и для объясненія самыя трудныя явленія бытія всеобщаго. Здѣсь общія абстрактныя понятія о матеріи и духѣ встрѣчаются намъ въ своихъ частныхъ, сложныхъ, конкретныхъ началахъ.

И самый рѣшительный матеріалистъ, если только онъ ставитъ правду и знаніе выше предубѣжденій, долженъ откровенно сознаться что здѣсь, въ изъясненіи человѣческаго бытія, встрѣчаются такія явленія которыя чрезвычайно затрудняютъ послѣдовательное развитіе его теоріи. Онъ долженъ сознаться что человѣка со всѣми его душевными явленіями, со всею исторіей его религіозныхъ, нравственныхъ, умственныхъ, политическихъ стремленій, которыя имѣютъ столь сильное вліяніе на преобразованіе окружающей его природы, нельзя такъ слѣпо подчинять безусловному дѣйствію матеріи. Это онъ долженъ признать тѣмъ болѣе, что матеріальныя основанія и процессы душевныхъ явленій человѣка до сихъ поръ еще не изслѣдованы до такой степени чтобы матеріализмъ могъ считать себя побѣдителемъ всѣхъ другихъ теорій.

Точно также и самый отвлеченный идеалистъ, защищающій въ теоріи безусловное господство духа надъ матеріей, при изученіи человѣческой жизни долженъ признать что здѣсь теорія его встрѣчаетъ помѣхи и препятствія которыхъ обойти нельзя. И идеалистъ не можетъ не признаться что для устраненія этихъ препятствій нужно сдѣ-

лать значительныя измѣненія въ его теоріи. Никто же вѣдь не можетъ отрицать что человѣкъ очень часто зависитъ отъ матеріи, отъ природы окружающей его, отъ своего тѣла, извѣстное благосостояніе котораго необходимо для всякаго дѣйствія во внѣшнемъ мірѣ.

Словомъ, въ человѣческомъ бытіи, въ анализѣ сущности этого бытія, сходятся самые важные вопросы о бытіи вообще. Въ немъ, въ человѣческомъ бытіи, лежитъ единственное основаніе для рѣшенія многовѣковой борьбы между идеализмомъ и матеріализмомъ, или окончательною побѣдой одного надъ другимъ, или же яснымъ и твердымъ миромъ между борющимися сторонами. Въ этомъ-то заключается особенно важное для философіи значеніе вопроса о существованіи души.

ГЛАВА II.

Методъ изслѣдованія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

I.

1. Изслѣдованіе вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій или, короче, вопроса: существуетъ душа или нѣтъ? требуетъ необходимо предварительнаго объясненія того что̀ разумѣемъ мы подъ словомъ *душа?* Не имѣя о душѣ съ самаго начала общаго яснаго понятія, мы никоимъ образомъ не можемъ приступить къ изслѣдованію объ ея существованіи, подобно тому какъ не зная ничего о предметѣ мы не можемъ его и искать.

Однакоже не должно забывать что это понятіе о душѣ, которое служитъ намъ началомъ для рѣшенія нашего вопроса, можетъ быть лишь предварительное, общее, представляющее только самыя главныя, такъ сказать, грубыя черты этого существа. Всякое ближайшее опредѣленіе души, а тѣмъ болѣе полное и окончательное понятіе о ея сущности, требуетъ критическаго изученія всѣхъ ея явленій и качествъ, и потому не оно должно служить первоначальнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса о ея существованіи; нѣтъ, оно само основывается на этомъ изслѣдованіи.

Потому, приступая къ изученію вопроса о самостоятель-

номъ началѣ душевныхъ явленій, то-есть о душѣ, мы не имѣетъ въ виду понятія о душѣ по той или другой психологической теоріи; мы не спрашиваемъ существуетъ ли душа какъ явленіе и ступень развитія общаго духа по мнѣнію Гегеля, или какъ единичный духовный атомъ по мнѣнію Гербарта, или же въ какой-нибудь иной формѣ по мнѣнію другихъ философовъ. Для насъ этотъ вопросъ, какъ основаніе всѣхъ частныхъ психологическихъ изслѣдованій, имѣетъ общій характеръ, независимый отъ различія и разногласія психологическихъ теорій. Вопросъ: существуетъ ли душа или нѣтъ, не содержитъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, ничего другаго кромѣ вопроса, имѣютъ ли такъ-называемыя душевныя явленія особое, самостоятельное начало и особую, самостоятельную причину, или же всѣ эти явленія можно объяснять на основаніи извѣстныхъ физическихъ и физіологическихъ процессовъ? При рѣшеніи нашего вопроса, мы держимся лишь самаго общаго понятія о душѣ, въ силу коего она является намъ только какъ особое начало, какъ особая причина нашихъ внутреннихъ душевныхъ событій. * Всѣ другія ближайшія опредѣленія души мы рѣшительно исключаемъ изъ нашего изслѣдованія, потому что они лежатъ совершенно внѣ нашего вопроса и основываются на предыдущемъ рѣшеніи онаго.

2. Невниманіе къ этому общему понятію о душѣ, по которому она опредѣляется единственно только какъ особое начало и особая причина душевныхъ явленій, безъ всякихъ ближайшихъ метафизическихъ признаковъ, до сихъ поръ влекло за собою множество недоразумѣній и неясностей при изслѣдованіи нашего вопроса какъ съ матеріалистической, такъ и съ идеалистической точекъ зрѣнія.

---

* Вотъ почему и сочиненіе наше получило заглавіе: *Самостоятельное начало душевныхъ явленій*, вмѣсто обыкновенно употребляемаго выраженія: *Существованіе души*.

Такъ, напримѣръ, обратимъ здѣсь наше вниманіе на одно и притомъ самое важное изъ этихъ недоразумѣній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія что главная причина почему бо́льшая часть матеріалистовъ съ такою страстію нападаютъ на принятіе души, есть то что они имѣютъ въ виду совершенно опредѣленное представленіе о ея сущности и о ея метафизическихъ признакахъ. Матеріализмъ, отрицающій существованіе души, имѣетъ, по большей части, въ виду одностороннее, отвлеченное, идеалистическое понятіе о душѣ, по которому душа есть существо не владѣющее никакими силами реальнаго, матеріальнаго бытія; существо противопоставляющееся безусловно всякой вещественности и не имѣющее съ нею ничего общаго.

Мы согласны что такой идеалистической души нѣтъ, что мы не можемъ признавать въ человѣкѣ существа не имѣющаго никакого отношенія къ матеріи, ничего общаго съ ея процессами. Всѣми сознаваемая связь такъ-называемыхъ душевныхъ явленій съ физическими и ихъ взаимныя отношенія не позволяютъ принимать существованіе *такой* души. Однакожъ изъ того обстоятельства что мы, такъ же какъ матеріализмъ, отрицаемъ существованіе души по одностороннему идеалистическому понятію, не слѣдуетъ никакъ чтобы мы считали истиной матеріалистическую теорію, отрицающую существованіе души вообще. Допущеніе души, какъ особаго начала и особой причины душевныхъ явленій, не влечетъ за собою послѣдовательно вышеупомянутаго идеалистическаго понятія. Напротивъ, душа можетъ имѣть нѣчто общее съ матеріей, на основаніи чего она и находится въ опредѣленной связи съ физическими явленіями. Ея отличіе отъ начала физическихъ явленій не составляетъ еще никакъ абсолютной противоположности этихъ явленій, исключающей общія для нихъ и для души основанія. Вѣдь мы и въ физическомъ отношеніи ясно отличаемъ раз-

ныя силы и причины извѣстныхъ физическихъ явленій, не принимая однакоже между ними никакой враждебной противоположности, нарушающей единство матеріальнаго міра. Электричество, напримѣръ, имѣетъ совершенно другое начало нежели тяжесть; причины этихъ явленій основательно различаются, но эта разница, при всей своей основательности, не становится противоположностію, исключающею общее матеріальное начало этихъ явленій.

То же самое, только въ болѣе обширномъ кругу, повторяется и относительно начала физическихъ и душевныхъ явленій. Тѣ и другія имѣютъ неоспоримое общее основаніе въ *бытіи* вообще. Если душа существуетъ какъ особая причина душевныхъ явленій, то она какъ *существующая* имѣетъ нѣкоторыя общія основанія съ существующею матеріей, а именно всѣ тѣ основанія которыми владѣетъ всякое реальное *бытіе*, и которыя составляютъ общіе метафизическіе признаки каждаго *бытія*. *

Мы никакъ не можемъ допустить мнѣнія будто *бытіе* содержитъ въ своихъ основаніяхъ какія-нибудь абсолютныя противоположности и противорѣчія. При всей неизмѣримой разности явленій бытія, оно владѣетъ извѣстными общими свойствами, которыя служатъ основаніемъ для соединенія всѣхъ отдѣльныхъ явленій въ одно цѣлое.

Мы удалились бы слишкомъ отъ нашей задачи еслибы рѣшились начать здѣсь изслѣдованія о томъ какія свойства и признаки бытія суть общіе и составляютъ его сущность, которую встрѣчаемъ во всѣхъ безъ исключенія отдѣльныхъ формахъ существованія. Здѣсь для насъ совершенно доста-

---

* Ближайшее развитіе этой мысли смотри: H. Lotze, *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele.* 1852. Стр. 72 и слѣд. *Mikrokosmus. Versuch einer Anthropologie.* 1856. Ч. I, стр. 302 и слѣд., и наконецъ *Streitschriften I. In Bezug auf Prof. I. H. Fichtes Anthropologie.* 1857. Стр. 102.

точно замѣтить только то что душа существующая, имѣющая реальное бытіе, должна необходимо владѣть какими-нибудь свойствами общими всѣмъ остальнымъ явленіямъ бытія, будутъ ли они матеріальныя или духовныя, и что вслѣдствіе того понятіе о душѣ, которое представляетъ ее какъ нѣчто находящееся внѣ всѣхъ признаковъ реальнаго бытія и абсолютно противопоставляемое всѣмъ явленіямъ бытія физическаго, лишено всякаго разумнаго основанія.

Естественно что вышеупомянутому направленію матеріализма достается весьма легкая побѣда надъ такимъ понятіемъ о душѣ, уже въ самомъ началѣ своемъ столь мало основательномъ; съ вѣтромъ бороться легко. Но этимъ вовсе не рѣшается вопросъ, существуетъ ли душа понятая разумно какъ особое начало душевныхъ явленій, имѣющее со всѣми матеріальными и физическими явленіями общія основанія бытія.

II.

Опредѣливъ точно понятіе о душѣ какъ предметѣ нашего изслѣдованія, мы приступимъ теперь къ рѣшенію вопроса: какимъ способомъ, какимъ путемъ мы должны изслѣдовать вопросъ о ея существованіи?

До сихъ поръ примѣняемы были къ нашему вопросу по большей части два метода, изъ коихъ одинъ беретъ вопросъ преимущественно съ нравственной точки зрѣнія и рѣшаетъ его на основаніи моральныхъ понятій; другой же основывается на матеріальномъ міровоззрѣніи и старается рѣшить нашъ вопросъ исключительно при помощи физическихъ и физіологическихъ данныхъ.

1. Что касается до *нравственнаго* метода, то онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Основнымъ началомъ служатъ ему моральныя понятія о высшемъ назначеніи человѣка, о его задачѣ усовершенствованія самого себя и другихъ, о его

стремленіи къ добру и вѣчному благу. Принимая эти нравственныя начала за несомнѣнную истину, нравственный методъ заключаетъ что такъ какъ всѣ эти понятія не могутъ имѣть никакого практическаго значенія, никакой дѣйствительной силы безъ существованія души, то существованіе это есть необходимое слѣдствіе всѣхъ моральныхъ задачъ человѣка.

Извѣстно что этимъ методомъ руководился Кантъ; а послѣ него и до сихъ поръ бо́льшая часть популярныхъ защитниковъ идеальнаго міровоззрѣнія стараются устранить матеріализмъ ссылаясь при разборѣ нашего вопроса преимущественно на нравственныя начала.

Методъ этотъ, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. При всемъ признаніи необходимаго значенія нашихъ нравственныхъ чувствъ и стремленій, при всей вѣрѣ въ ихъ истину, мы однакоже, съ точки зрѣнія психологической, не видимъ въ нихъ ничего иного кромѣ опредѣленныхъ душевныхъ явленій, которыя служатъ намъ предметомъ психологическаго изученія. Абстрактное содержаніе этихъ нравственныхъ стремленій, само по себѣ, внѣ извѣстныхъ основаній, не имѣетъ для насъ такого значенія чтобы мы могли основывать на немъ рѣшеніе другаго, совершенно самостоятельнаго психологическаго вопроса. Напротивъ, наши нравственныя понятія въ значительной степени зависятъ отъ рѣшенія разныхъ психологическихъ вопросовъ, а особенно вопроса о существованіи души. Критическій разумъ и наука никакъ не могутъ принимать существованіе души только на томъ основаніи что извѣстныя ученія о нравственности требуютъ такого принятія. Нѣтъ, наоборотъ, рѣшеніе вопроса содержатъ ли эти нравственныя ученія истину, которая могла бы оправдать свое содержаніе предъ критическимъ разумомъ, зависитъ отъ самостоятельнаго изслѣдованія вопроса о существованіи души.

Истинный научный методъ приступаетъ къ изученію своего предмета безъ всякой тенденціи, безъ всякой цѣли лежащей внѣ самого изслѣдованія. Такимъ образомъ и мы, признавая все значеніе нравственныхъ идей, приступаемъ, однако, къ разбору нашего вопроса безъ всякой тенденціи оправдать то или другое нравственное міровоззрѣніе. Въ нашемъ изслѣдованіи мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ всѣ нравственные выводы истекающіе изъ принятія или отрицанія существованія души. Для насъ, въ нашемъ вопросѣ, нравственность и всѣ моральныя стремленія имѣютъ важность лишь какъ извѣстный рядъ психологическихъ явленій, которыя только своимъ психологическимъ, а не нравственнымъ содержаніемъ могутъ способствовать рѣшенію нашего вопроса.

2. Второй методъ, о которомъ мы выше упомянули, есть односторонній, грубый *физіологическій.* Имъ руководствуются матеріалисты когда они выходятъ изъ сферы общихъ мѣстъ и общихъ разсужденій о матеріи. По этому методу вопросъ, существуетъ душа или нѣтъ, долженъ быть рѣшенъ единственно на основаніи физическаго наблюденія съ помощью анатомическаго ножа и микроскопа. Ученые примѣняющіе этотъ методъ основываются тоже на предвзятомъ понятіи о душѣ, развитомъ во всѣхъ частныхъ чертахъ. Они отличаются только тѣмъ отъ вышепомянутыхъ матеріалистовъ, отрицающихъ существованіе души по идеалистическому понятію, что при разсмотрѣніи этого вопроса имѣютъ въ виду душу какъ грубое матеріальное существо которое мы можемъ ощущать посредствомъ пяти чувствъ. Они убѣждены что если душа вообще существуетъ, то она должна быть предметомъ наблюденія для нашихъ чувствъ, а вслѣдствіе того и должна быть изслѣдована на основаніи чувственнаго наблюденія. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ изслѣдователи этого рода до сихъ поръ не были въ состояніи открыть душу и увидѣть ее, то

они тоже доходятъ будто до научнаго результата что души нѣтъ.

И этотъ методъ, очевидно, никакъ не можетъ устранить всѣ трудности которыя мы встрѣчаемъ при изслѣдованіи нашего вопроса.

Прежде всего мы должны замѣтить что мы не имѣемъ никакого основанія ограничить признаки *существованія* нашими чувственными ощущеніями. Очень много реально *существующаго* можетъ находиться внѣ нашихъ чувствъ и не имѣть на нихъ никакого непосредственнаго вліянія. Физикъ, напримѣръ, не видитъ непосредственно никакой силы, никакихъ атомовъ; онъ не ощущаетъ движеній эѳира составляющихъ сущность свѣта и т. д., однакоже онъ убѣжденъ въ ихъ существованіи. Математикъ доказываетъ намъ несомнѣннымъ образомъ истину математическихъ законовъ; механикъ убѣждаетъ насъ въ дѣйствительности законовъ движенія; однакоже всѣхъ этихъ математическихъ и механическихъ законовъ мы не видимъ, не ощущаемъ; мы удостовѣряемся въ ихъ существованіи посредствомъ логическихъ процессовъ сужденія и умозаключенія, которыя въ данныхъ примѣрахъ основываются только на созерцаніи извѣстныхъ явленій.

Вообще мы никакъ не въ состояніи ощущать сущность окружающаго насъ міра; мы не видимъ что̀ такое бытіе само въ себѣ, какую истину содержатъ въ себѣ отдѣльныя существа. Все наше познаніе внѣшняго міра основывается непосредственно только на ощущеніяхъ перемѣнъ нашего собственнаго субъективнаго бытія. Вліяніе внѣшнихъ предметовъ на наше бытіе вызываетъ разныя перемѣны въ нашемъ внутреннемъ состояніи, и при дѣйствіи нашихъ чувствъ мы не ощущаемъ самыхъ причинъ раздражающихъ насъ, но ощущаемъ только перемѣну нашего субъективнаго состоянія, вызванную посредствомъ внѣшнихъ вліяній. Такимъ обра-

зомъ всѣ наши понятія о внѣшнемъ мірѣ, о существованіи разныхъ явленій бытія суть не что̀ иное какъ только логическія умозаключенія выводимыя изъ ощущенія перемѣнъ нашего субъективнаго состоянія.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ что разумное изслѣдованіе о существованіи какого-нибудь предмета мышленія не можетъ никогда основываться на непосредственномъ чувственномъ наблюденіи этого предмета, но только на умозаключеніяхъ выведенныхъ изъ перемѣнъ нашего субъективнаго состоянія находящагося подъ вліяніемъ изучаемаго предмета.

Примѣняя это къ вопросу о существованіи души, мы никогда не можемъ требовать непосредственнаго чувственнаго наблюденія самой души, какъ это дѣлаютъ вышеупомянутые матеріалисты, но можемъ только задаваться вопросомъ: существуютъ ли какія-либо внутреннія явленія, какія-либо перемѣны въ нашемъ субъективномъ состояніи, изъ которыхъ могли бы мы *заключать* о существованіи души?

Но ограничивая значеніе чувственныхъ ощущеній при разборѣ вопроса о существованіи души, мы должны, кромѣ того, обратить вниманіе еще на слѣдующія обстоятельства.

Есть явленія въ человѣкѣ о существованіи которыхъ мы убѣждаемся безъ всякой помощи внѣшнихъ чувствъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что мы мыслимъ, и какое содержаніе нашихъ мыслей, мы ощущаемъ разныя интеллектуальныя чувствованія радости, любви, ненависти, честолюбія, грусти и т. п.; мы знаемъ о разныхъ стремленіяхъ нашей воли, разсуждаемъ о цѣляхъ и задачахъ нашего дѣйствія, словомъ, мы несомнѣнно убѣждены въ истинномъ существованіи несмѣтнаго множества внутреннихъ явленій, и однакоже внѣшнія чувства не имѣютъ никакого участія въ такомъ познаніи. Мыслей нашихъ, нашихъ интеллектуальныхъ чувствованій и стремленій воли мы не видимъ, не слышимъ, не обоняемъ,

не вкушаемъ, не осязаемъ; однакоже существованіе всѣхъ этихъ внутреннихъ процессовъ является намъ не менѣе безспорнымъ и истиннымъ какъ и существованіе чувственныхъ впечатлѣній. Все это доходитъ до нашего свѣдѣнія самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ внѣшнихъ чувствъ, путемъ внутренняго созерцанія, внутренняго опыта. Посредствомъ этого внутренняго созерцанія и опыта, мы замѣчаемъ рядъ очень важныхъ для нашего вопроса явленій, которыя вовсе недоступны для одного внѣшняго опыта, для физіологическаго изслѣдованія. Еслибъ и были намъ совершенно извѣстны физіологическіе процессы соединяющіеся съ душевными явленіями; еслибъ и были мы въ состояніи изслѣдовать химическія, физическія и физіологическія отношенія головнаго мозга какого-нибудь субъекта даже при его жизни: то все-таки, несмотря на эти обильныя внѣшнія средства наблюденія, мы не имѣли бы никакого основанія для познанія внутренняго душевнаго содержанія всѣхъ этихъ физіологическихъ процессовъ. Мы все еще не знали бы о чемъ человѣкъ мыслитъ, что онъ чувствуетъ и какія имѣетъ стремленія. Все это составляетъ *внутреннее* содержаніе внѣшнихъ процессовъ, которое можетъ быть наблюдаемо исключительно сознаніемъ и никакъ недоступно для ощущенія пяти чувствъ.

Итакъ, методъ одного внѣшняго физическаго и физіологическаго изслѣдованія очевидно недостаточенъ для изученія всѣхъ явленій касающихся нашего вопроса. Бо́льшая часть этихъ явленій можетъ быть изслѣдована лишь при помощи внутренняго, такъ-называемаго психическаго созерцанія, основаннаго на дѣйствіи самосознанія. Кто забываетъ объ этомъ и основывается единственно на внѣшнихъ чувствахъ, тотъ исключаетъ изъ своего изслѣдованія одно очень важное и необходимое средство наблюденія, и становится похожъ на физика который при изученіи какихъ-нибудь

физическихъ явленій не захотѣлъ бы употреблять напримѣръ зрѣніе, утверждая что для его цѣли достаточны слухъ и другія чувства. Такой физикъ очень легко могъ бы отрицать явленіе свѣта, потому что закрывая глаза онъ дѣйствительно свѣта не видитъ. Точно такъ и матеріалисты, исключая изъ своего изслѣдованія внутреннее психологическое созерцаніе и держась единственно такихъ средствъ которыя не даютъ намъ яснаго понятія о такъ-называемыхъ душевныхъ явленіяхъ, очень легко могутъ доказывать что души нѣтъ, ибо закрывая внутренній глазъ, при помощи котораго мы созерцаемъ душевныя явленія, они дѣйствительно души не видятъ, какъ вышепомянутый физикъ не видитъ свѣта. Но и тотъ и другіе забываютъ что требованіе не пользоваться однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ познанія противорѣчитъ не только наукѣ, но и общему здравому смыслу людей.

3. Изъ вышеприведенныхъ отрицательныхъ замѣчаній о методѣ изслѣдованія нашего вопроса истекаетъ слѣдующее положительное на него воззрѣніе.

Вопервыхъ, мы должны приступить къ нашему предмету безъ всякой религіозной или нравственной тенденціи, съ исключительною цѣлью узнать чистую истину относительно разбираемаго нами вопроса.

Вовторыхъ, мы должны употребить при изученіи явленій касающихся нашего вопроса всѣ возможныя средства изслѣдованія, то-есть какъ внѣшнія средства физики и физіологіи, такъ и средства внутренняго психологическаго наблюденія и опыта.

При помощи такого-то изслѣдованія мы и приступимъ къ окончательному, насколько возможно, рѣшенію вопроса о существованіи души.

Основаніемъ же для этого окончательнаго рѣшенія послу-

жатъ намъ слѣдующія методологическія правила коими руководствуются и естественныя науки.

Вопросъ существуетъ ли какое-нибудь особое самостоятельное начало для извѣстной группы явленій рѣшается въ естественныхъ наукахъ не прежде какъ доказана возможность или невозможность изъясненія данной группы явленій при помощи уже знакомыхъ физическихъ силъ. Если новыя явленія, обращающія на себя вниманіе наблюдателя, могутъ быть выведены изъ извѣстныхъ уже причинъ и источниковъ, тогда наблюдатель, конечно, не нуждается въ принятіи *особенныхъ* силъ для изъясненія этихъ явленій. Напротивъ, въ видахъ единства, ясности и простоты науки, онъ въ такомъ случаѣ расширяетъ въ своемъ понятіи дѣйствіе знакомыхъ уже силъ и причинъ, объясняя ими и эти новыя явленія. Но если естествоиспытатель встрѣчаетъ явленія которыя представляютъ нѣчто особое, ничѣмъ неизъяснимое на основаніи извѣстныхъ донынѣ силъ; если всѣ усилія свести явленія къ знакомымъ уже причинамъ не достигаютъ своей цѣли и убѣждаютъ что разбираемыя явленія не истекаютъ изъ общаго источника: въ такомъ случаѣ естественныя науки, для изъясненія такихъ явленій, принимаютъ всегда существованіе особыхъ силъ и причинъ, отличающихся отъ всѣхъ уже извѣстныхъ.

Такъ, напримѣръ, физикъ принимаетъ особую причину для объясненія явленій тяжести и особую для явленій электричества, потому что эти явленія такъ разнородны что ихъ никакъ нельзя вывести изъ одного общаго источника. Такимъ же образомъ и химикъ принужденъ принять существованіе новаго особаго элемента если разбираемое имъ тѣло не состоитъ изъ элементовъ уже извѣстныхъ.

Однимъ словомъ, невозможность изъясненія извѣстной группы явленій на основаніи знакомыхъ началъ считается въ естественныхъ наукахъ совершенно достаточною причи-

ной для принятія новаго самостоятельнаго начала (элементовъ, силъ или причинъ), изъясняющаго эти особаго рода явленія.

Это основное методологическое правило естественныхъ наукъ мы примѣняемъ и къ нашему вопросу.

Разбирая такъ-называемыя душевныя явленія съ цѣлью рѣшенія вопроса о существованіи души, мы будемъ обращать вниманіе исключительно на то обстоятельство: можно ли эти душевныя явленія объяснить на основаніи извѣстнаго намъ дѣйствія физическихъ силъ, или же эти явленія содержатъ въ себѣ нѣчто особое, несводимое къ дѣйствію этихъ силъ? Въ первомъ случаѣ мы будемъ отрицать существованіе особаго начала душевныхъ явленій, то-есть души; въ послѣднемъ же случаѣ мы съ полнымъ сознаніемъ сочтемъ себя обязанными признать существованіе души какъ самостоятельнаго начала, необходимаго для объясненія особаго содержанія и природы такъ-называемыхъ душевныхъ явленій.

ГЛАВА III.

Литература вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

I.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ главъ психологіи, и потому психологія каждой философіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, содержитъ въ себѣ какія-нибудь мнѣнія относительно этого вопроса. Но въ слѣдующемъ краткомъ обозрѣніи литературы нашего вопроса мы не намѣрены представлять всѣ различныя мнѣнія философовъ объ этомъ предметѣ. Это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи и между тѣмъ очень мало содѣйствовало бы основательному ея рѣшенію.

Вслѣдствіе огромныхъ успѣховъ естественныхъ наукъ, особенно физіологіи, вопросъ о существованіи души принялъ въ послѣднее время совершенно новый характеръ. Теперь уже никакъ нельзя рѣшать его на основаніи метафизическихъ и абстрактныхъ изслѣдованій. Теперь при его рѣшеніи особенно нужно обращать вниманіе на физіологію и указывать на его отношенія къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ этой науки. Современный матеріализмъ стремится къ возобновленію давно извѣстныхъ теорій и мнѣній на основаніи новыхъ результатовъ естественныхъ наукъ. Вслѣдствіе того вопросъ о су-

ществованіи души пересталъ быть вопросомъ чистой философіи, метафизики или психологіи, а принялъ направленіе которое вводитъ его въ кругъ естественныхъ наукъ, особенно физіологіи.

Понятно что вслѣдствіе того и всѣ изслѣдованія нашего вопроса, начиная съ Платона и кончая Гегелемъ, не принимающія во вниманіе ученій физіологіи, потеряли свое значеніе и замѣчательны только въ историческомъ отношеніи. Но такъ какъ мы не намѣрены писать исторію разныхъ теорій о существованіи души, а стремимся прямо къ научному рѣшенію этого вопроса, то, не упоминая объ этихъ теоріяхъ, мы останавливаемся лишь на тѣхъ сочиненіяхъ которыя имѣютъ извѣстное значеніе для изслѣдованія нашего вопроса въ духѣ его новѣйшей фазы.

Всѣ эти сочиненія можно раздѣлить на двѣ группы: тѣ которыя въ результатѣ отрицаютъ существованіе души, или *матеріалистическія*, и тѣ въ которыхъ оно доказывается путемъ научныхъ изслѣдованій на основаніи данныхъ и методовъ естествовѣдѣнія. Но въ той и другой группѣ мы встрѣчаемъ разные оттѣнки, на которые мы и должны обратить вниманіе.

II.

Основою *матеріализма* служитъ предположеніе что всѣ такъ-называемыя душевныя явленія не имѣютъ особаго начала, но происходятъ непосредственно отъ извѣстныхъ органическихъ процессовъ тѣла.

Первый, возобновившій въ наше время матеріалистическія теоріи французскихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, Кондильяка, Ламетри, Гельвеція, а въ особенности Кабани, былъ извѣстный нѣмецкій физіологъ Карлъ Фохтъ. Въ своихъ физіологическихъ письмахъ и другихъ популярныхъ сочинені-

яхъ *, Фохтъ повторяетъ и развиваетъ, будто бы на основаніи естественныхъ наукъ, мнѣнія, высказанныя уже давно вышеупомянутыми авторами, что человѣкъ есть не что̀ иное какъ только *машина*, что всѣ его душевныя явленія суть только отправленія извѣстныхъ органовъ; словомъ, по сравненію Фохта, заимствованному отъ Кабани, душевныя явленія находятся въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ.

Въ этомъ духѣ развивали и популяризовали матеріалистическія воззрѣнія и Молешотъ, *Kreislauf des Lebens*, 2 изд. 1855, и др., Бюхнеръ, *Kraft und Stoff*, 1855, *Natur und Geist*, 1857, и пр., Рейхъ, *Die Naturlehre des Menschen*, 1866, и многіе другіе. Сюда же принадлежатъ сочиненія Чольбе, *Entstehung des Selbstbewusstseins*, 1856, ** и Ноака, періодическое изданіе *Psyche*, которыя изъясняютъ душевныя явленія на основаніи простаго физическаго движенія.

Во Франціи матеріалистическія теоріи развились въ новѣйшее время въ средѣ позитивизма Конта и его учениковъ, Тена, Литре, Лебле и другихъ. ***

Въ *русской* литературѣ катехизисомъ матеріализма служитъ сочиненіе Сѣченова, *Рефлексы головнаго мозга*, 1866, въ которомъ авторъ, не отрицая прямо существованія души и считая для физіолога возможнымъ принять мнѣніе что мозгъ есть органъ души, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ стремленіе къ объясненію всѣхъ вообще явленій жизни, а потому и явленій душевныхъ: мысли, чувствованія и воли, на основаніи мозговыхъ *рефлексовъ*, то-есть бо́льшаго или меньшаго уко-

---

* Karl Vogt, *Physiologische Briefe*, 1842. *Vorlesungen über den Menschen*, 1863 и друг.

** Чольбе, впрочемъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій, *Die Grenzen und der Ursprung der menschlichen Erkenntniss*, 1865, отказался отъ матеріализма.

*** См. въ этомъ отношеніи соч. Léblais, *Matérialisme et spiritualisme. Etude de philosophie positive*, 1865.

роченія какой-нибудь группы мышцъ, акта чисто механическаго.

Упомянемъ еще о рѣчи проф. А. Соколовскаго: *О психофизическомъ процессѣ въ примѣненіи къ дѣйствію снотворныхъ веществъ*, 1870 года, гдѣ, однако, рядомъ съ такими положеніями какъ: „Сознаніе и мысль принадлежатъ высшимъ организмамъ, но развиваются въ видѣ особыхъ колебаній изъ общихъ въ природѣ движеній“; или „психическіе акты образуются путемъ повторенія рефлексовъ“, „эѳиръ далъ возможность опредѣлить явленія химизма, магнетизма и самаго сознанія“,—находимъ мы сочувственныя ссылки на воззрѣнія изслѣдователей принадлежащихъ къ открытымъ и сильнымъ противникамъ матеріализма, какъ напримѣръ на Фортлаге, Фехнера, Ессена и другихъ.

III.

1. Ко второй группѣ изслѣдованій нашего вопроса принадлежатъ всѣ тѣ гдѣ доказывается существованіе души на основаніи строгаго анализа психическихъ явленій и ихъ сравненія съ физіологическими данными.

Общее стремленіе всѣхъ изслѣдованій этого рода: доказать при помощи естественныхъ наукъ что теорія матеріализма, отрицающая существованіе души, совсѣмъ не согласна съ дѣйствительными результатами этихъ наукъ, что результаты естественныхъ наукъ не только не поддерживаютъ матеріализма, но напротивъ доказываютъ самостоятельное начало такъ-называемыхъ душевныхъ явленій. Словомъ, общій характеръ этихъ трудовъ состоитъ въ *критикѣ матеріализма* и въ доказательствѣ истины мнѣнія, выраженнаго знаменитымъ физіологомъ Вирховомъ, что новѣйшій матеріализмъ

произведенъ на свѣтъ людьми ненаучными, не понимающими духа естествознанія. *

Первый и одинъ изъ самыхъ страстныхъ, но отнюдь не изъ самыхъ счастливыхъ противниковъ матеріализма, былъ извѣстный физіологъ Рудольфъ Вагнеръ, который въ публичномъ засѣданіи нѣмецкихъ естествоиспытателей, въ Гетингенѣ, 1854 года, нападая въ статьѣ *Ueber Menschenschöpfung und Seelensubstanz* на мнѣнія Фохта, положилъ начало всей новѣйшей борьбѣ противъ матеріализма въ Германіи.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія матеріалистической теоріи Фохтомъ и другими, развилась постепенно и критика матеріализма. Изъ огромнаго числа этихъ критическихъ сочиненій, изданныхъ въ послѣднія 15 лѣтъ какъ естествоиспытателями такъ и философами, мы приводимъ слѣдующія, особенно важныя для нашего вопроса.

---

* Вотъ слова Вирхова, которыя мы приводимъ нарочно, потому что о нихъ не упоминаетъ ни одинъ матеріалистъ, хотя они всѣ и при всякомъ случаѣ ссылаются на слова этого знаменитаго естествоиспытателя. Въ *Archiv für pathologische Anatomie*, ч. VII, стр. 9, въ статьѣ *Empirie und Transscendenz*, Вирховъ говоритъ: „In allen Zeiten hat es viele Leute gegeben, welche in anthropomorphischen Träumen ihre Befriedigung fanden und namentlich ist es in den letzten Jahren oft genug vorgekommen, dass man aus den Lehrsätzen der Naturwissenschaft eine neue Art von Glauben hat errichten wollen. Wenn man sich aber genau umsieht, so zeigt es sich leicht, dass diese Art des Materialismus gerade von *unwissenschaftlichen* Naturen ausgegangen ist, von *Halb- und Drittelswissern, die den Geist der Naturforschung am wenigsten begriffen haben*“. А въ *Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medizin*, 1862, на стр. 18 сказалъ: „Es gibt einen *materialistischen Dogmatismus*, sogut wie einen kirchlichen und einen idealistischen und ich gestehe gern zu, dass der eine wie der andere reale Objecte haben können. Allein sicherlich ist der *materialistische der gefährlichere*, weil er seine dogmatische Natur verleugnet und in dem Kleide der Wissenschaft auftritt, weil er sich als empirisch darstellt, wo er nur speculativ ist, und weil er die Grenzen der Naturfoschung an Orten aufrichten will, wo die letzteren offenbar noch nicht competent sind.“

2. Изъ сочиненій изданныхъ извѣстными *физіологами* и другими *естествоиспытателями* особенно важны для насъ:

Lotze, *Seele und Seelenleben*, въ *Handwörterbuch der Physiologie*, Вагнера, ч. III, стр. 142 и слѣд. Потомъ касающіяся этого вопроса части сочиненія того-же автора: *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele*, 1852.

Jessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855.

Volkmann, статья *Gehirn* въ *Handw. d. Physiol* Вагнера, стр. 569 и соч. *Die Physiologie als Gegnerin der Lehre des Materialismus von der Identität des Leibes und der Seele*, 1856.

Bischoff, *Ueber den Unterschied zwischen Thier und Mensch*, 1858.

K. Snell, *Die Streitfrage des Materialismus. Ein vermittelndes Wort*, 1858.

Fechner, *Ueber die Seelenfrage*, 1860, и соотвѣтственныя части основательнаго труда того же автора, *Elemente der Psychophysik*, 1860, именно ч. II, стр. 381 и слѣд.

Рудольфъ Вагнеръ, кромѣ вышеупомянутаго, довольно неосновательнаго сочиненія, издалъ въ послѣдствіи нѣкоторыя научныя изслѣдованія, важныя для нашего вопроса, именно: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune, mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotze und Fichte über den Sitz der Seele* въ *Göttingische Nachrichten*, 1866, № 6, и *Vorstudien zu einer wissenschaftlichen Morphologie und Physiologie des menschlichen Hirns als Seelenorgans*, 1862.

Знаменитый русскій энтомологъ Беръ разобралъ теорію матеріализма съ общей точки зрѣнія въ статьѣ: *Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?* 1862.

Далѣе очень важны для насъ:

Rüte, *Ueber die Existenz der Seele vom naturwissenschaftlichen Standpunkte*, 1863, гдѣ авторъ, извѣстный офталмологъ, основывается преимущественно на анализѣ процессовъ зрѣнія.

Schröder van der Kolk, *Seele und Leib in Wechselbeziehung zu einander*, 1865. (Русск. перев.)

O. Flügel, *Der Materialismus vom Standpunkte der atomistisch-mechanischen Naturforschung*, 1865.

Кромѣ того сюда относятся и разныя спеціальныя изслѣдованія физіологовъ относительно нервной системы, дѣйствія чувствъ и пр., о которыхъ будетъ рѣчь въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

3. Изъ сочиненій, содержащихъ критику матеріализма и изданныхъ *философами*, для нашего вопроса особенно замѣчательны:

Frauenstädt, *Der Materialismus, seine Wahrheit und sein Irrthum*, 1856.

J. B. Meyer, *Zum Streit über Leib und Seele*, 1856.

Jul. Schaller, *Leib und Seele*. 3 изд., 1858.

A. Mayer, *Zur Verständigung über Materialismus und Spiritualismus*, 1861.

Fabri, *Briefe gegen den Materialismus*. 2 изд. 1854. (Русск. перев.)

Westhoff, *Stoff, Kraft und Gedanke. Eine umfassende Erklärung des Seelen- und des leiblichen Lebens*, 1865.

Но особенно важны для насъ, какъ заключающія въ себѣ необходимый для разработки нашего вопроса матеріалъ, основательныя сочиненія младшаго Фихте: *Zur Seelenfrage*. 1859, и *Antropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele. Neubegründet auf naturwissenschaftlichem Wege*. 2 изд., 1860. 3 Сар. *Der Materialismus*. Потомъ философскіе труды вышеупомянутаго извѣстнаго физіолога и философа Лотце, особенно его *Mikrokosmus. Versuch einer Anthropologie*. 3 части, 1856 и слѣд. (Русск. перев.), и наконецъ сочиненія Ульрици: *Gott und die Natur*, 1862 (Русск. перев.), гдѣ находится критика общихъ основаній матеріализма, и *Gott und der Mensch*. I. *Leib und Seele*, 1866, гдѣ первая физіологическая часть за-

ключаетъ въ себѣ критику психологическихъ теорій матеріализма.

Сюда же относятся касающіяся нашего вопроса части остроумной исторіи и критики матеріализма Ф. А. Ланге, *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*, 1866.

Изъ *французскихъ* трудовъ приводимъ:

Bouillier, *Du principe vital de l'âme pensante*, 1861.

Bauchut, *La vie et ses attributs*, 1862.

Saisset, *L'âme et la vie*, 1864.

Garnier, *Traité des facultés de l'âme*. 2 изд., 1865. Ч. I, книга I. *Distinction de l'âme et du corps.*

Въ особенности же обращаемъ вниманіе читателей на сочиненіе Поля Жане, *Le Matérialisme contemporain en Allemagne*, 1864 (русск. перев.), которое, по основательности и многосторонности своихъ критическихъ выводовъ, одно только во всей французской литературѣ можетъ сравниться съ вышеупомянутыми трудами нѣмецкихъ писателей.

Изъ психологическихъ сочиненій *русской* литературы приводимъ прежде всего М. Владиславлева, *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866, гдѣ, кромѣ основательнаго разбора извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій, мы находимъ, на стр. 32 и слѣд., статью о существованіи души. Кромѣ того замѣчательны: архимандрита Гавріила, *Основанія опытной психологіи*, 1858, которыя содержатъ въ себѣ много важныхъ для нашего вопроса изслѣдованій о психологическихъ явленіяхъ въ связи съ физіологическими данными; потомъ С. Автократова, *Учебникъ психологіи*, 1866, и И. Чистовича, *Курсъ опытной психологіи*, 1868, заключающія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ тщательные матеріалы для разработки нашего вопроса.

Сюда же относятся ясные психологическіе выводы помѣщенные въ основательныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ П.

Юркевича, *Чтенія о воспитаніи*, стр. 24 и слѣд., и *Курсъ общей педагогики*, 1869, гдѣ особенно важно изученіе дѣйствія чувствъ, стр. 337 и слѣд. Наконецъ, замѣтимъ что къ нашему вопросу относятся многія статьи которыя помѣщались въ разное время въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ, особенно въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

ГЛАВА IV.

Анализъ основныхъ психическихъ явленій съ цѣлію рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

По развитому выше методу, рѣшеніе вопроса о существованіи души должно основываться на анализѣ другаго вопроса: можно ли такъ-называемыя душевныя явленія объяснить на основаніи извѣстныхъ физическихъ и физіологическихъ процессовъ тѣла, или же сущность и природа этихъ явленій требуетъ принятія особаго самостоятельнаго начала?

Приступая теперь къ анализу душевныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, мы обратимъ вниманіе на основныя начала психической жизни, именно: *сознаніе*, *мышленіе*, *чувствованіе* и *волю*, и доводя предварительно до совершенной очевидности несомнѣнную эмпирическую истину этихъ явленій, которую, впрочемъ, каждый можетъ наблюдать и повѣрять въ самомъ себѣ, мы изслѣдуемъ затѣмъ возможность или невозможность объясненія ихъ при помощи физіологіи, на которую ссылается матеріализмъ.

I.

Наиболѣе характерическій признакъ психической жизни человѣка есть явленіе *сознанія*, въ которомъ человѣкъ сосредоточивается въ себѣ, рефлектируется на самомъ себѣ

и упрочиваетъ мысль о себѣ какъ о существѣ единичномъ и самостоятельномъ, служащемъ причиною своихъ собственныхъ дѣйствій.

Сознаніе есть эмпирическій фактъ. Каждый человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, доходитъ до сознанія и воспроизводитъ въ себѣ вѣдѣніе и мысль о себѣ, собирая самого себя въ сознаніи и отличая себя какъ отъ всего что̀ находится вокругъ него, такъ и отъ того что̀ представляетъ ему его психическая дѣятельность. Человѣкъ не только дѣйствуетъ психически, но и сознаетъ свое дѣйствіе и обладаетъ способностію отличать самого себя, какъ причину, отъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствій, какъ слѣдствій вызванныхъ собственною дѣятельностію.

Но для рѣшенія нашей главной задачи возникаетъ теперь вопросъ: въ состояніи ли мы будемъ объяснить это психическое явленіе на основаніи физіологическихъ началъ, то-есть функцій тѣла, и подтверждаютъ ли анатомія и физіологія, въ особенности неврологія, при новѣйшемъ ихъ развитіи, мнѣніе матеріалистовъ, высказанное въ различныхъ формахъ, что душа, а слѣдовательно и сознаніе, есть только извѣстное отправленіе тѣлеснаго организма?

Психическое явленіе сознанія заключаетъ въ себѣ три слѣдующія начала:

Единство, по которому человѣкъ сознаетъ себя нераздѣльно единичнымъ, несмотря на самое разнообразное и самое непостоянное содержаніе его мыслей, чувствъ и стремленій.

Самонаблюденіе, при помощи котораго человѣкъ управляетъ своими мыслями и отдаетъ себѣ отчетъ въ своей психической дѣятельности.

Постоянство и *тождество*, на основаніи котораго сознаніе человѣка остается въ продолженіе всей его жизни

однимъ и тѣмъ же, несмотря на внѣшнія и внутреннія перемѣны вызванныя теченіемъ времени.

Кто хочетъ научнымъ путемъ доказывать несостоятельность или ненадобность предположенія о существованіи души, тотъ долженъ напередъ доказать что всѣ вышеприведенныя эмпирико-психологическія явленія сознанія имѣютъ въ тѣлѣ человѣка свое органическое основаніе и истекаютъ изъ его природныхъ отправленій.

Но сравнивая эти явленія съ *несомнѣнными* выводами новѣйшей физіологіи, мы легко убѣждаемся что ни для *единства*, ни для *самонаблюденія*, ни, наконецъ, для *постоянства* и *тождества* сознательной жизни человѣка мы не встрѣчаемъ въ отправленіяхъ тѣла никакого основанія которое могло бы достаточно объяснить всѣ эти явленія. По своей природѣ они до того отличны отъ естественныхъ проявленій каждаго физіологическаго процесса что для объясненія ихъ требуется необходимо принятіе отдѣльнаго самостоятельнаго начала.

1. Что̀ касается *единства* сознанія, того чувства, присущаго каждому человѣку, коимъ онъ сознаетъ себя нераздѣльно единымъ, то прежде всего мы должны замѣтить что объясненіе этого психическаго единства изъ физіологическихъ основаній, въ духѣ матеріалистической теоріи отрицающей существованіе души, необходимо требуетъ указанія органическаго единства тѣла, сосредоточенія всѣхъ физіологическихъ основаній психической жизни, то-есть нервовъ, въ одномъ какомъ-либо основномъ явленіи. Безъ такого физіологическаго единства организма, эмпирико-психологическое явленіе единства сознанія должно оставаться неизъяснимымъ съ физіологической точки зрѣнія.

Но несмотря на всѣ усилія мы напрасно ищемъ такого единства въ тѣлесномъ организмѣ, которое могло бы объяснить единство сознанія. Ни анатомія, ни физіологія не знаютъ

ничего о подобномъ соединеніи всѣхъ тѣлесныхъ отправленій психической жизни въ одномъ основномъ.

Правда нѣкоторые изъ прежнихъ физіологовъ, между которыми въ особенности С. Т. Сэммерингъ * и другіе, изъ новѣйшихъ, прежде всего знаменитый парижскій анатомъ и физіологъ Флуранъ, ** потомъ Лотце, *** А. Фикъ **** и другіе, всѣми силами старались доказать сосредоточеніе тѣлеснаго организма, въ особенности нервной системы, въ одномъ пунктѣ, объясняющемъ единство животныхъ психическихъ проявленій человѣка (point, или noeud vital Флурана). Въ этомъ пунктѣ, по ихъ мнѣнію, сосредоточивается вся жизнь и всѣ раздраженія нервовъ, соединеніемъ которыхъ эти физіологи и объясняютъ психическое явленіе извѣстно подъ именемъ *единства* сознанія. †

Однако новѣйшія тщательныя анатомическія и физіологическія изслѣдованія не только не подтверждаютъ этой гипотезы, но напротивъ доказываютъ что такое сосредоточеніе нервной системы не согласуется съ дѣйствительностію; что нервы не соединяются въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а образуютъ самостоятельные центры какъ въ головномъ такъ и въ спинномъ мозгѣ.

---

* Sömmering, *Ueber das Organ der Seele.* 1796.

** Flourens, *De la vie et de l'intelligence*, 1858, T. II, pag. 155 и *Compte rendu*, 1851, T. XXXIII, pag. 437 и 1859. T. XLVIII, pag. 1136. Смотри: O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*, 1860, T. II, Seite 567 и 575.

*** H. Lotze, *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele*, 1852, и въ особенности того же автора: *Mikrokosmus*, T. I, 1856, S. 316—342. *Von dem Sitze der Seele.*

**** A. Fick, *Compendium der Physiologie*, 1860. S. III und 52 ffg.

† Относительно вопроса о *сѣдалищѣ души* въ тѣлѣ, кромѣ вышеприведенныхъ сочиненій, смотри еще: G. F. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860, T. II. S. 381—426. I. H. Fichte, *Psychologie.* T. I. 1864. S. 35—63 и H. Ulrici, *Gott und der Mensch.* T. I. 1866. S. 105—125.

Уже изслѣдованія Пфлюгера * возбудили величайшее сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи единства нервной системы. Доказывая, на основаніи различныхъ вивисекцій, самостоятельность и независимость нервовъ спиннаго мозга отъ головнаго, и вообще множественность нервныхъ центровъ, Пфлюгеръ основывалъ на этихъ изслѣдованіяхъ гипотезу о существованіи въ нервной системѣ не одной, а нѣсколькихъ душъ. По его мнѣнію, въ каждомъ нервномъ центрѣ находятся всѣ условія приписываемыя такъ-называемой душѣ, то-есть способность чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія.

Говоря строго, гипотеза эта о существованіи *множества душъ* въ нервной системѣ есть матеріалистическій выводъ основанный на эмпирическомъ существованіи многихъ центровъ нервной системы. Но каждый видитъ что такою гипотезой нельзя объяснить психическаго сосредоточенія и единства человѣка въ фактѣ сознанія. Откуда же можетъ происходить единство психическое, когда человѣкъ, съ точки зрѣнія физіологіи, представляется состоящимъ изъ *различныхъ* самостоятельныхъ единствъ?

Изслѣдованія Пфлюгера въ новѣйшее время часто были повѣряемы и побудили къ новымъ, болѣе точнымъ наблюденіямъ касательно связи между физическими и психическими проявленіями жизни. Для насъ, въ нашемъ вопросѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдованія И. М. Шиффа и Рудольфа Вагнера.

Шиффъ, подобно Пфлюгеру, доказывая независимость отправленій спиннаго мозга отъ головнаго, доходитъ до заключенія ** что спинной мозгъ самъ по себѣ, независимо отъ

---

* Pflüger, *Die sensorischen Functionen des Rückenmarks der Wirbelthiere, nebst einer neuen Lehre über die Leitungsgesetze der Reflexionen.* 1853.

** Schiff, *Lehrbuch der Physiologie des Menschen.* T. I. *Muskel- und Nervenphysiologie.* 1859. Seite 208, 213 и 229.

головнаго, обладаетъ не только способностью чувствованія, но даже въ нѣкоторой степени способностью сознанія. Шиффъ, говоря о чувствилищѣ спиннаго мозга, могъ бы подобно Пфлюгеру говорить о душѣ спиннаго мозга, въ отличіе отъ души головнаго, и потомъ разбить человѣка на множество самостоятельныхъ центровъ, изъ коихъ каждый обладалъ бы всѣми условіями души, то-есть способностью чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія. Это привело бы насъ къ положенію, ясно высказанному матеріалистами, что человѣкъ есть не что̀ иное какъ только механическое собраніе разнородныхъ субстанцій и атомовъ.

При такомъ физическомъ и физіологическомъ атомизмѣ мы и понять не можемъ какъ объяснить *единство* сознанія, сосредоточеніе человѣка въ *одной* мысли о себѣ.

Второй изъ вышеупомянутыхъ физіологовъ, Рудольфъ Вагнеръ, хотя не доходитъ до подобныхъ матеріалистическихъ выводовъ, однако эмпирическіе результаты его изслѣдованій согласны съ вышеприведенными положеніями.

Въ нѣсколькихъ приведенныхъ нами въ перечнѣ литературы разсужденіяхъ, заключающихъ спеціальныя изслѣдованія надъ отправленіями мозга, Вагнеръ доходитъ до заключенія * что психическія явленія жизни человѣка никакъ не сходятся въ одной центральной точкѣ, но основываются на большомъ числѣ самостоятельныхъ нервныхъ центровъ въ мозгу, и что *substantia nigra Soemmeringii*, которую обыкновенно признаютъ сѣдалищемъ психической дѣятельности, есть только средоточіе нервовъ двигательныхъ, но не чувствительныхъ.

Самъ Вагнеръ прежде предполагалъ что въ мозгу возможно найти непарные органы, соединяющіе въ себѣ различные

---

* Wagner, *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune. Göttingische Nachrichten.* 1860. № 6. Seite 57 ffg.

нервные центры; но теперь, вслѣдствіе своихъ новыхъ, преимущественно патологическихъ, изслѣдованій, онъ доказываетъ что и самый мозгъ не есть одинъ центральный органъ нервной системы, а только собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ.

Что же касается noeud vital Флурана, то не только Шиффъ и Вагнеръ, но и Бронъ-Секаръ * убѣдились что поврежденіе его не влечетъ за собою смерти, и поэтому онъ не можетъ быть признанъ за „узелъ жизни“, за центральный пунктъ жизненныхъ отправленій организма.

Словомъ, мы положительно можемъ повторить здѣсь слова одного изъ извѣстныхъ физіологовъ, что мысль о сосредоточеніи души въ одной части мозга уже устранена въ наукѣ вслѣдствіе новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій. **

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ выводовъ новѣйшей физіологіи касательно отправленій нервной системы, мнѣніе будто психическое единство человѣка есть простое слѣдствіе единства физическаго теряетъ свое эмпирическое основаніе. Еслибы человѣкъ самъ по себѣ былъ не что̀ иное какъ организмъ тѣлесный, еслибъ его психическая жизнь была тождественна съ отправленіями нервной системы, то ни въ какомъ случаѣ онъ не былъ бы въ состояніи дойти до психическаго единства, то-есть до сосредоточенія всѣхъ психическихъ началъ своего бытія въ одномъ сознаніи самого себя. Человѣкъ съ физіологической точки зрѣнія представляется раздѣленнымъ на большое число центровъ, изъ коихъ каждый самостоятеленъ въ отношеніи къ другому. Всѣ раздраженія и впечатлѣнія нервовъ собираются не въ одной какой-либо точкѣ, но разрознены по большому числу центровъ ощущенія и отраженія, и потому они должны были бы имѣть

---

* Brown-Sequard, *Journal de physiologie*. 1858. T. I. pag. 217. См. O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. T. I. Seite 56.

** O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. T. II. Seite 481.

послѣдствіемъ и раздробленныя проявленія психическія, то-есть человѣкъ и съ точки зрѣнія психической долженъ былъ бы представляться намъ существомъ раздѣленнымъ на большое число отдѣльныхъ психическихъ центровъ.

Итакъ эмпирическое единство сознанія человѣка есть фактъ, противорѣчащій всѣмъ физіологическимъ основаніямъ нервной системы. Несмотря на столь большое число нервныхъ центровъ, человѣкъ все-таки чувствуетъ себя единымъ и относитъ всякаго рода нервныя раздраженія и впечатлѣнія къ самому себѣ, то-есть сосредоточиваетъ ихъ въ одной центральной точкѣ, въ чувствѣ самого себя. Фактъ этотъ, который нельзя объяснить съ точки зрѣнія физіологической, уничтожаетъ съ одной стороны мнѣніе матеріалистовъ о тождествѣ физической и психической жизни человѣка, а съ другой—требуетъ принятія самостоятельнаго психическаго начала, способнаго объяснять эмпирическое единство сознанія, которое есть безспорный фактъ, несмотря на раздробленіе мозга на множество нервныхъ центровъ.

Еслибы кто-нибудь предположилъ что на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ мы заходимъ слишкомъ далеко въ нашихъ выводахъ, то для успокоенія подобныхъ осторожныхъ умовъ, мы приведемъ здѣсь слова одного изъ лучшихъ и осторожнѣйшихъ изслѣдователей, котораго никто не можетъ упрекнуть въ какихъ-либо философскихъ грезахъ,—слова профессора Вирхова, который, принимая участіе въ матеріалистическихъ спорахъ, говоритъ касательно этого вопроса такъ: * „Какъ только оказывается что началомъ (Substrat) сознанія не можетъ служить какой-нибудь отдѣльный, единичный органъ тѣла, то съ научной точки зрѣнія нельзя ничего сказать противъ мнѣнія что кромѣ матеріи есть въ человѣкѣ какое-то невѣсомое, пожалуй, нематеріальное, эѳир-

* Virchow, *Gesammelte Abhandlungen zur wissenchaftlichen Medicin*. 1862. S. 16.

ное или чисто духовное существо (*ein imponderables, wenn man will immaterielles, ätherisches oder rein geistiges Wesen*), основное свойство котораго есть *сознаніе*. Эта мысль, говоритъ далѣе Вирховъ, была для меня причиною, по которой чисто матеріалистическій взглядъ на сознаніе, какъ на простое отправленіе мозга, я призналъ *произвольнымъ*, а принятіе, хотя дѣйствительно трансцендентальное, отдѣльной *души* вѣроятно основательнымъ. Еще и теперь, не взирая на возраженія Фохта, я не могу убѣдиться что это мнѣніе ошибочно или непослѣдовательно.“

2. Второе явленіе сознанія есть его *самонаблюденіе*. Вслѣдствіе самонаблюденія, человѣкъ въ состояніи отдавать себѣ отчетъ въ томъ что̀ онъ думаетъ и сопровождать мыслію свое дѣйствіе. Человѣкъ не только подчиняется внѣшнимъ впечатлѣніямъ страдательно, не только доходитъ до сознанія этихъ впечатлѣній, но и самъ принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе и ощущаетъ въ нихъ самого себя. Подобное явленіе необъяснимо на основаніи одного отправленія тѣла, потому что превышаетъ условія всѣхъ намъ извѣстныхъ физическихъ явленій. Слѣдующія соображенія доказываютъ это.

Всѣ физическія явленія по своему происхожденію *просты*, то-есть они не возвращаются къ самимъ себѣ, къ источнику изъ котораго вышли, и не могутъ *сопровождать* сами себя мыслію. Какъ непосредственныя слѣдствія своихъ причинъ, они не заключаютъ въ себѣ никакого *новаго* и самостоятельнаго содержанія, которое отличалось бы отъ самого физическаго процесса.

Еслибъ и психическія дѣйствія были явленіемъ только физическихъ и органическихъ силъ, то и они были бы простыми процессами въ вышесказанномъ смыслѣ, то-есть процессами безъ всякой внутренней двойственности и самонаблюденія.

Изъ физіологіи мы знаемъ что въ нервахъ раздражаемыхъ внѣшними стимулами происходятъ извѣстные физическіе процессы, происходятъ движенія молекулъ, пробѣгающія по нервамъ, какъ электричество по телеграфнымъ проволокамъ, и доходящія до извѣстныхъ центровъ нервной системы. Здѣсь эти процессы превращаются въ извѣстныя элементарныя психическія проявленія ощущеній, то-есть въ ощущенія внутреннихъ перемѣнъ вызванныхъ раздраженіемъ периферическихъ нервовъ.

Такъ какъ мы возвратимся къ этому предмету когда будетъ время говорить о чувствахъ, то здѣсь обратимъ вниманіе только на вопросъ: какимъ образомъ нервная система рядомъ съ ощущеніемъ единичныхъ внутреннихъ перемѣнъ, вызванныхъ физическими стимулами, обладаетъ и *самочувствіемъ*, и съ совершенною ясностію отличаетъ себя отъ ощущенія внутреннихъ перемѣнъ въ различныхъ нервныхъ центрахъ?

Согласно съ физическою аналогіей, сущность дѣйствія нервной системы зависитъ исключительно отъ физическихъ стимуловъ и не заключаетъ въ себѣ ничего иного кромѣ измѣненій, вызванныхъ въ различныхъ единичныхъ нервныхъ центрахъ. Это значитъ, съ физіологической точки зрѣнія, что до нашего сознанія должны дойти только эти элементарныя измѣненія въ нервныхъ центрахъ. Явленіе же рефлективнаго чувства самого себя, вслѣдствіе котораго человѣкъ не только ощущаетъ физическія измѣненія въ нервныхъ центрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаетъ что онъ самостоятельный субъектъ всѣхъ своихъ ощущеній, соединяетъ ихъ въ самомъ себѣ, и отличаетъ ихъ другъ отъ друга; это явленіе доказываетъ врожденную *двойственность* психическаго процесса, существенно отличающагося этимъ внутреннимъ признакомъ двойственности отъ простаго физическаго процесса. На основаніи физическихъ началъ вовсе нельзя понять какъ два самостоятельные процесса могутъ проник-

нуть другъ друга до той степени чтобъ одинъ дошелъ до вѣдѣнія о существованіи другаго.

Но невозможность физическаго и физіологическаго объясненія процесса самонаблюденія можно доказать еще нагляднѣе.

Если даже допустимъ что безъ принятія отдѣльной души нервный процессъ самъ по себѣ рождаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ психическія явленія, то и на этомъ гипотетическомъ основаніи мы могли бы дойти только до объясненія какого-нибудь посторонняго и объективнаго содержанія нервной системы; но при этомъ остался бы все-таки нерѣшеннымъ вопросъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, то-есть какъ объяснить субъективное чувство въ отличіе отъ всякаго чуждаго объективнаго содержанія. Раздраженія нервовъ глаза, слуха и т. д. могутъ имѣть своимъ физіологическимъ послѣдствіемъ не что̀ иное какъ только простое ощущеніе свѣта, звука и т. д. Вслѣдствіе того нервная система, подлежа раздраженію различныхъ физическихъ стимуловъ, должна и *психически* рождать ощущенія только единичныхъ физіологическихъ проявленій, вызванныхъ этими раздраженіями, то-есть ощущенія свѣта, звука и другихъ тому подобныхъ состояній. И за каждымъ новымъ раздраженіемъ нервовъ не могло бы послѣдовать ничего болѣе кромѣ только этихъ же элементарныхъ чувственныхъ ощущеній. Вся психическая жизнь человѣка представляла бы намъ въ такомъ случаѣ безконечный рядъ актовъ сознанія самыхъ разнообразныхъ между собою несвязанныхъ измѣненій въ различныхъ нервныхъ центрахъ. Соединеніе же этого ряда отдѣльныхъ актовъ сознанія, этихъ разнородныхъ ощущеній въ одномъ актѣ сознанія самого себя, а равно и сознательное отличіе самого себя отъ всѣхъ единичныхъ актовъ ощущенія,—это уже явленія совершенно новыя, которыя невозможно объяснить изъ основаній чисто-физіологическихъ; эти явленія обозначаютъ бытіе самостоя-

тельнаго существа, не подлежащаго непосредственно процессамъ физіологическимъ и обладающаго способностью отличать себя отъ нихъ.

Правда что матеріалисты стараются устранить и это затрудненіе при помощи гипотезы, что всѣ отдѣльные акты ощущенія сливаются въ одно общее ощущеніе самого себя. Но вышепоказанный недостатокъ центральнаго средоточія для нервной системы дѣлаетъ невозможнымъ такое объясненіе.

Какимъ бы образомъ отдѣльные акты ощущенія могли соединяться въ одной мысли о себѣ, въ одномъ самонаблюденіи, когда нѣтъ физіологическихъ проводниковъ дѣлающихъ возможнымъ такое соединеніе? Далѣе, если допустимъ даже возможность такого соединенія и сліянія разнородныхъ актовъ ощущенія въ одно цѣлое, то такимъ физическимъ сліяніемъ различныхъ актовъ ощущенія, то-есть ощущенія свѣта, звука и т. д., развѣ можно объяснить совсѣмъ особенное, отъ этихъ физіологическихъ явленій совершенно отличное сознаніе самого себя и самонаблюденіе? Какъ же, кромѣ того, при такомъ сліяніи разнородныхъ явленій воедино, объяснить эмпирическое отличіе сознанія самого себя отъ всѣхъ единичныхъ актовъ ощущенія? Откуда происходитъ это самостоятельное сознаніе сопровождающее отдѣльныя ощущенія нервной системы и отличающееся отъ нихъ?

Самонаблюденіе сознанія заключаетъ въ себѣ какъ сосредоточеніе человѣка въ одной мысли о себѣ, такъ и отличіе самого себя отъ всякаго внутренняго содержанія. Представляется ли что-нибудь подобное какимъ бы то ни было физическимъ явленіемъ? Смотря на извѣстный предметъ, я знаю что я отличаюсь отъ него, то-есть отъ ощущенія вызваннаго этимъ предметомъ въ нервной системѣ. То же самое повторяется и въ области другихъ органовъ чувствъ. Никто не отождествляетъ себя самого съ какимъ-нибудь ощущеніемъ, въ немъ вы-

званнымъ. Ощущенія свѣта и звука, обонянія и вкуса, удовольствія и непріятности, никогда не обнимаютъ собою всего нашего существа; но рядомъ со всѣми этими актами ощущенія всегда остается въ нормальномъ состояніи извѣстное психическое содержаніе, которое противопоставляется всѣмъ этимъ ощущеніямъ, отличаетъ себя отъ нихъ и размышляетъ о нихъ. Это именно противопоставленіе субъекта объекту въ процессѣ психическомъ, это сознательное господство субъекта надъ собственными ощущеніями, стоитъ выше всякаго физіологическаго процесса.

Если примемъ самонаблюденіе лишь за сумму, за сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ актовъ ощущенія, то нельзя понять какимъ образомъ эта сумма можетъ сознательно отличать себя отъ единичныхъ началъ, которымъ обязана она своимъ существованіемъ. Если же допустимъ что какой-нибудь отдѣльный актъ ощущенія составляетъ содержаніе и основу самого наблюденія, то останется непонятнымъ, откуда происходитъ возможность сознанія множества отдѣльныхъ ощущеній, рядомъ съ единичнымъ сознаніемъ самого себя.

Поэтому соединеніе въ самонаблюденіи единства и множества, субъекта и объекта, есть явленіе столь особенное и самостоятельное что оно не можетъ быть подведено подъ явленія механическія, химическія, физическія и физіологическія. Каждый кто безъ предубѣжденій и вмѣстѣ съ извѣстнымъ запасомъ мыслей способствующихъ самонаблюденію размышлялъ надъ эмпирическимъ явленіемъ самонаблюденія, долженъ невольно дойти до убѣжденія что этотъ субъективный психическій процессъ дѣйствительно отличается отъ всякаго объективнаго дѣйствія физическихъ силъ, и что въ немъ проявляется самостоятельное существо, отличающее себя въ собственномъ центрѣ своего существованія отъ всѣхъ физическихъ явленій, которыя, какъ периферическія, оно противопоставляетъ своему центральному сознанію самого

себя. Способность этого существа противопоставлять себя всякимъ ощущеніямъ, зависящимъ отъ внѣшнихъ раздраженій, можетъ быть объяснена только при допущеніи дѣйствительнаго и основнаго отличія этого существа отъ всѣхъ возможныхъ физическихъ явленій. Безъ такого реальнаго отличія, противопоставленіе субъекта объекту въ мысли о самомъ себѣ не имѣло бы никакого основанія, а слѣдовательно не могло бы и проявляться.

3. Наконецъ, третье эмпирико-психологическое явленіе сознанія есть его *постоянство* и *тождество*. Здоровый въ психическомъ отношеніи человѣкъ чувствуетъ себя однимъ и тѣмъ же въ продолженіе всей своей жизни. Всякія, очень часто весьма быстрыя физическія и психическія перемѣны, не измѣняютъ однако его индивидуальнаго сознанія. Онѣ для нормальнаго человѣка въ продолженіе всей его жизни имѣютъ характеръ внѣшній и периферическій, то-есть онѣ относятся только къ аттрибутамъ и качествамъ человѣка, но не нарушаютъ его внутренняго и центральнаго существа, его субстанціи. Эта послѣдняя остается прочною и неизмѣняемою основой сознанія человѣка въ теченіи всей его жизни.

На этомъ *тождествѣ* человѣческаго сознанія основываются всѣ психическія его дѣйствія. *Тождество* и *постоянство* сознанія есть необходимое начало для всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ явленій въ жизни человѣка. * Всякая дѣятельность мышленія требуетъ чтобы разсуждающее лицо оставалось въ самомъ себѣ однимъ и тѣмъ же при всякой перемѣнѣ отдѣльныхъ мыслей; чтобы въ постоянствѣ и тождествѣ разсуждающаго лица сохранялось прочное основаніе для сравненія разныхъ мыслей слѣдующихъ одна за другою. Точно такъ и нравственная отвѣтственность человѣка за посту-

* Подробное развитіе этой мысли можно найти у Janet, *Le matérialisme contemporain en Allemagne*, 1864, pag. 121 et ss. и у Westhoff, *Stoff, Kraft und Gedanke*, 1865, S. 175 und ffg.

покъ совершенный имъ въ прошедшемъ истекаетъ: изъ той же несомнѣнной истины что лицо остается непрестанно самимъ собою, что *традиція* внутренняго существа его ничѣмъ не можетъ быть нарушена.

И для этого всѣмъ извѣстнаго психологическаго явленія постоянства и тождества сознанія человѣка мы напрасно искали бы основаній въ его физическомъ бытіи.

Новѣйшая физіологія доказала несомнѣнно что человѣкъ въ физическомъ отношеніи подлежитъ непрестаннымъ перемѣнамъ составляющихъ его началъ. Постоянный обмѣнъ всѣхъ безъ исключенія физическихъ началъ есть сущность физіологическаго процесса жизни. Въ періодъ весьма незначительнаго времени, отъ пяти до семи лѣтъ, измѣняются всѣ физическія начала составляющія человѣка. Въ непрерывномъ процессѣ жизни новыя начала занимаютъ мѣсто старыхъ, и можно сказать что по истеченіи означеннаго времени тѣлесный организмъ человѣка не заключаетъ въ себѣ уже ни одного изъ прежде бывшихъ, составлявшихъ его началъ, ибо старыя начала уступили мѣсто новымъ.

Этотъ несомнѣнный физіологическій фактъ весьма затрудняетъ объясненіе психической традиціи сознательной жизни человѣка, и дѣлаетъ его даже невозможнымъ если стать исключительно на физіологическую точку зрѣнія.

Согласно съ матеріалистическими основаніями, фактъ *психическаго* постоянства и тождества даннаго лица въ продолженіе всей его жизни можетъ основываться только на постоянствѣ и тождествѣ извѣстныхъ физическихъ явленій. При такой точкѣ зрѣнія возникаетъ вопросъ: какія физическія явленія представляютъ намъ подобное постоянство, которое могло бы служить основаніемъ для объясненія *постоянства психическаго*?

Прежде всего, мы должны замѣтить здѣсь что въ этомъ отношеніи нельзя ссылаться на *матерію* тѣла, на хими-

ческія его начала; ибо согласно съ вышеприведеннымъ физіологическимъ закономъ обмѣна веществъ, начала эти подлежатъ почти очевиднымъ измѣненіямъ. Никакой отдѣльный атомъ и никакое собраніе атомовъ, какъ напримѣръ мозгъ, не можетъ быть постояннымъ посредникомъ между прошедшимъ и настоящимъ психической жизни, не можетъ служить основою для сохраненія традиціи сознанія, потому что ни одинъ атомъ не занимаетъ въ организмѣ постоянно своего опредѣленнаго мѣста и не остается въ немъ въ теченіе продолжительнаго времени. Каждый атомъ подлежитъ безпрестанному теченію жизни, и ранѣе или позднѣе уступаетъ свое мѣсто другому.

Единственнымъ основаніемъ для объясненія *постоянства* и *тождества* психической жизни изъ физическихъ началъ могутъ служить только *функціи, отправленія* организма. Съ точки зрѣнія матеріалистической, мы въ этомъ отношеніи можемъ только сослаться на тотъ фактъ что несмотря на постоянныя измѣненія самой матеріи организма, его форма, а слѣдовательно и его отправленія остаются одни и тѣ же. Организмъ въ продолженіе всей жизни исполняетъ одни и тѣ же органическія отправленія, и въ этомъ-то постоянствѣ и тождествѣ отправленій тѣла остается для матеріализма единственное физическое основаніе для объясненія постоянства и тождества такъ-называемыхъ отправленій психическихъ.

Но не трудно доказать что и здѣсь постоянство и тождество органическихъ отправленій суть понятія неосновательныя, не представляющія ничего что̀ давало бы право на ихъ отождествленіе съ традиціей сознанія.

Тѣлесный организмъ человѣка, дѣйствительно, исполняетъ свои отправленія непрестанно въ теченіе всей жизни, но, несмотря на то, существенное ихъ содержаніе измѣняется въ каждый моментъ ихъ явленія. Живой организмъ отнюдь не

удерживаетъ постоянно одного и того же отправленія, но повторяетъ только постоянно похожія одно на другое, тѣмъ не менѣе въ своихъ составныхъ началахъ совершенно новыя отправленія. Каждый новый моментъ этихъ органическихъ отправленій не тождественъ съ предыдущими моментами, но отличается отъ нихъ своимъ новымъ содержаніемъ. Далѣе, и способъ соединенія этихъ различныхъ моментовъ органическихъ отправленій не есть явленіе постоянной и безпрерывной традиціи, гдѣ одинъ моментъ, уступая мѣсто другому, могъ бы передать свое содержаніе слѣдующему за нимъ; но каждый моментъ, каждый отдѣльный актъ отправленія организма обнаруживается самъ по себѣ какъ конечное слѣдствіе извѣстныхъ конечныхъ причинъ, и соединяется съ другимъ только на основаніи механической послѣдовательности времени. Каждый отдѣльный актъ существуетъ до тѣхъ поръ пока его мѣсто не займетъ другой; а этотъ послѣдній не принимаетъ содержанія предыдущаго и не соединяется съ нимъ внутреннимъ способомъ, то-есть не знаетъ своего предшественника, но заключаетъ въ себѣ вновь свои собственныя физическія начала которыя раждаютъ свои послѣдствія до тѣхъ поръ пока не уступятъ мѣста новому теченію органической жизни. Вслѣдствіе того, традиція физической жизни представляется намъ въ формѣ ряда отдѣльныхъ физическихъ актовъ, наступающихъ другъ за другомъ безъ всякой внутренней связи, чисто механически, согласно съ общими физическими законами.

Совершенно иначе представляется каждому мыслящему человѣку *традиція жизни психической*. Здѣсь субъектъ, т.-е. сознаніе и чувство самого себя существенно никогда не измѣняются. Сознаніе самого себя, какъ *того же самого* психическаго существа, остается постоянною и неизмѣнною основой всѣхъ психическихъ явленій. Что же касается отдѣльныхъ актовъ и отправленій психическаго дѣйствія,

то они слѣдуютъ другъ за другомъ не механически, отдѣляясь лишь незамѣтнымъ образомъ другъ отъ друга, но соединяются между собой на основаніи внутренней существенной связи и сосредоточиваются всегда въ этомъ постоянномъ сознаніи самого себя, которому и передаютъ свое психическое содержаніе. Въ простыхъ логическихъ умозаключеніяхъ мы обнаруживаемъ эту психическую традицію, основанную на внутренней связи между психическимъ содержаніемъ прошедшаго и настоящаго. При помощи же *памяти* мы относимъ психическое содержаніе нашихъ ощущеній и впечатлѣній къ сознанію самого себя и сохраняемъ его въ себѣ постоянно и неизмѣнно.

Еслибы традиція психической жизни основывалась единственно на постоянномъ повтореніи отправленій организма и не имѣла бы своего самостоятельнаго начала, то въ такомъ случаѣ психическая жизнь могла бы намъ являться только въ формѣ постояннаго повторенія похожихъ, но другъ отъ друга механически отдѣленныхъ психическихъ актовъ. Сознаніе человѣка могло бы, положимъ, на этомъ основаніи повторяться каждый моментъ, но каждый слѣдующій моментъ сознанія зналъ бы только о самомъ себѣ и не имѣлъ бы никакого свѣдѣнія о моментѣ предыдущемъ.

Возьмемъ примѣръ. Дыханіе есть органическое отправленіе тѣла. Оно постоянно повторяется; но каждый новый моментъ дыханія не тождественъ съ предыдущимъ и заключаетъ въ себѣ новыя физическія начала. Положимъ, матеріализмъ въ правѣ утверждать что сознаніе человѣка есть такое же физіологическое отправленіе мозга какъ напримѣръ дыханіе есть отправленіе легкихъ. Однакоже и при такой огромной уступкѣ постоянство и тождество психической жизни осталось бы безъ всякаго объясненія. На вышеприведенномъ основаніи было бы только понятно что каждый моментъ отправленія мозга становится сознаніемъ, какъ каж-

дый моментъ отправленія легкихъ становится дыханіемъ. Моменты *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, отправленія мозга имѣли бы слѣдствіемъ сознаніе *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*. Но при всемъ томъ осталось бы совершенно непонятнымъ откуда происходитъ возможность того что новые моменты отправленія мозга, моменты *d*, *e*, *f*, имѣютъ какое-нибудь сознаніе о предыдущихъ моментахъ *a*, *b*, *c*. Фактъ что послѣдній моментъ отправленія мозга, моментъ *f*, заключаетъ въ себѣ психическое содержаніе всѣхъ предыдущихъ моментовъ *a*, *b*, *c* и т. д.; фактъ что я сегодня имѣю то же самое индивидуальное сознаніе какое имѣлъ вчера и много лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть объясненъ простымъ повтореніемъ похожихъ на себя, но въ своихъ физическихъ началахъ всегда новыхъ моментовъ отправленія мозга, слѣдующихъ только механически другъ за другомъ какъ одинъ моментъ дыханія за другимъ.

Нѣтъ; фактъ индивидуальнаго тождества сознанія доказываетъ что въ человѣкѣ существуетъ нѣкоторое самостоятельное начало, въ своей внутренней сущности не подлежащее перемѣнѣ, но служащее основаніемъ для соединенія всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ сознанія въ постоянное цѣлое. Только принятіемъ такого постояннаго и неизмѣннаго начала мы можемъ объяснить эмпирическій фактъ постоянства и тождества сознанія.

II.

Второе основное эмпирико-психологическое явленіе доказывающее существованіе души есть *мышленіе*. Его дѣйствіе заключаетъ въ себѣ огромное число разныхъ психическихъ моментовъ, начиная съ первыхъ проявленій вниманія у ребенка и кончая глубочайшими научными изслѣдованіями философа стремящагося къ познанію истины, то-есть къ отраженію удивительнаго порядка и законовъ вселенной въ раз-

умныхъ формахъ своего мышленія. Мы, конечно, не можемъ здѣсь разбирать всѣхъ этихъ моментовъ; для этого нужна была бы особая книга. Въ нашемъ вопросѣ особенно важны для насъ слѣдующіе моменты относящіеся по большей части къ непосредственной связи мышленія со внѣшнимъ міромъ, именно:

Вниманіе, служащее основаніемъ всякаго сознательнаго мышленія.

Дѣйствіе внѣшнихъ *чувствъ*, дающее намъ первый основный матеріалъ для всего воззрѣнія на внѣшній міръ, и наконецъ,

Представленія и *понятія* которыя мы образуемъ изъ чувственныхъ ощущеній, изъ соединенія которыхъ происходятъ всѣ сложныя явленія мышленія.

1. *Вниманіемъ* мы называемъ психическую способность обращаться къ одному извѣстному предмету и тщательно разбирать его.

Въ связи съ физіологіей, вниманіе представляетъ намъ любопытное явленіе *невозможности принимать два разныя ощущенія въ одинъ моментъ времени*. Анализъ этой особенности вниманія доказываетъ тоже очень ясно, на основаніи физіологическихъ изслѣдованій, самостоятельное начало психическихъ явленій, и поэтому мы разсмотримъ этотъ предметъ ближе.

Существуетъ эмпирическій фактъ что различныя, часто очень сильныя раздраженія нервной системы не доходятъ до нашего сознанія если мы заняты другимъ предметомъ. Такъ, напримѣръ, читая со вниманіемъ книгу, часто мы не слышимъ самаго сильнаго шума, или слушая внимательно музыку, не видимъ часто того что̀ несомнѣнно видѣли бы если-бы не были заняты слушаніемъ. Офталмологъ Рюте разказываетъ * что во время одной, очень болѣзненной операціи

* Rüte, *Ueber die Existenz der Seele*, 1863, стр. 17 и слѣд.

которую онъ дѣлалъ молодой дѣвушкѣ, онъ до такой степени былъ занятъ своимъ дѣломъ что совсѣмъ не слыхалъ крика оперируемой. Поэтому, по окончаніи операціи, онъ съ удивленіемъ спросилъ паціентку, отчего теперь начинаетъ она плакать между тѣмъ какъ во время операціи была покойна? Вниманіе оператора такъ было занято что сильнѣйшія раздраженія слуховыхъ нервовъ не дошли до его сознанія. Подобныя явленія, которыя случаются очень часто, сдѣлались въ новѣйшее время предметомъ самыхъ точныхъ эмпирическихъ изслѣдованій.

Математикъ и психологъ Дробишъ упоминаетъ въ своей *Психологіи* * что знаменитый астрономъ Бессель предпринималъ различныя изслѣдованія дабы убѣдиться дѣйствительно ли можно *въ одно и то же время* воспринимать впечатлѣнія и органомъ слуха, и органомъ зрѣнія. ** Извѣстно что астрономъ при своихъ изслѣдованіяхъ напрягаетъ и глазъ, и ухо, глазъ — наблюдая чрезъ телескопъ небесныя тѣла, ухо—чтобы при помощи маятника обозначить время когда эти тѣла появляются и исчезаютъ. Эти опыты, произведенные разнообразными способами, довели наконецъ Бесселя до несомнѣннаго заключенія что въ одно и то же время никоимъ образомъ нельзя видѣть и слышать, что въ то время когда мы напрягаемъ органъ зрѣнія, мы теряемъ способность сознательнаго воспринятія впечатлѣній дѣйствующихъ на органъ слуха, и наоборотъ. Бессель, смотря со вниманіемъ въ телескопъ, не могъ слышать вмѣстѣ съ тѣмъ ударовъ маятника; обращая же вниманіе на эти удары, онъ не могъ видѣть небеснаго тѣла. Впечатлѣнія двухъ чувствъ, хотя были всегда одновременны, доходили

---

* Drobisch, *Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode*, 1842, стр. 82 и слѣд.

** Bessel, *Astronomische Beobachtungen*. 1823, VIII Abth.

однако до сознанія въ разныя времена, такъ что одно являлось *послѣ* другаго только въ формѣ воспоминанія. Подобное тому явленіе замѣчаемъ мы часто въ обыкновенной жизни, когда слова, сказанныя намъ другимъ лицомъ, доходятъ до нашего сознанія только по истеченіи нѣкотораго времени, что̀ всегда случается если во время физическаго дѣйствія звуковъ вниманіе наше занято другимъ предметомъ.

Послѣ Бесселя, астрономъ Струве повторилъ то же самое наблюденіе и дошелъ до тѣхъ же результатовъ. *

Эти наблюденія астрономовъ были причиной болѣе точныхъ, чисто физіологическихъ изслѣдованій надъ отношеніемъ вниманія къ ощущенію. Лейпцигскій физіологъ Веберъ собственными опытами подтвердилъ наблюденія Бесселя, и ту же самую невозможность сознательнаго воспріятія въ одно время двухъ различныхъ ощущеній доказалъ въ области другихъ органовъ чувствъ, въ особенности осязанія. ** На основаніи этихъ же и собственныхъ новыхъ изслѣдованій, краковскій физіологъ Іосифъ Майеръ показалъ постоянные *законы* и *основанія* вниманія, приводящія къ весьма важнымъ заключеніямъ какъ для физіологіи такъ и для психологіи. Изъ всѣхъ этихъ законовъ мы приведемъ здѣсь первый, который выражается въ слѣдующемъ положеніи: „Если нѣсколько чувственныхъ нервовъ будутъ одновременно раздражаемы, такъ что получаемыя отъ того ощущенія могутъ дать понятіе о мѣстѣ и качествѣ стимула, то тѣмъ не менѣе такія ощущенія могутъ быть замѣчаемы не всѣ, а только отдѣльно, и то лишь сообразно тому на какое изъ нихъ будетъ обращено наше вниманіе.“ ***

---

* Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843*, p. 29.

** E. H. Weber, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl*, въ Wagners, *Handwörterbuch der Physiologie*. T. III, Ath. 2, стр. 488 и слѣд. и 526.

*** Jozef Majer, *Fizyologia zmysłów*, 1867, § 13.

Этотъ эмпирическій фактъ невозможности сознательнаго воспріятія разомъ двухъ различныхъ ощущеній не можетъ быть объясненъ извѣстными намъ физіологическими отправленіями нервной системы. Въ физическомъ отношеніи нервы глаза и уха могутъ быть раздражаемы одновременно, и стало-быть нѣтъ никакой физіологической причины почему такія раздраженія не порождали бы, въ соотвѣтственныхъ нервныхъ центрахъ, и своихъ психическихъ послѣдствій, то-есть нѣтъ причины почему мы не могли бы сознательно воспринимать оба ощущенія. Причина эта лежитъ внѣ области физіологическихъ отправленій, въ самомъ существѣ души, а именно въ *единствѣ* сознанія. Только потому что человѣческое сознаніе само въ себѣ есть *единое*, что единство его сопровождаетъ всѣ явленія ощущенія, только потому это сознаніе во всякое время можетъ сознательно имѣть лишь одно ощущеніе. Множественность сознательныхъ ощущеній не согласуется со свойственнымъ человѣку единствомъ, съ индивидуальностью его сознательной жизни, и потому-то ощущеніе, принимая психическую форму, ограничивается и опредѣляется этимъ врожденнымъ индивидууму единствомъ

Множество не можетъ непосредственно вступать въ область единаго въ самомъ себѣ сознанія, но должно поочередно представлять ему свое содержаніе. Если поэтому одно въ самомъ себѣ сознаніе уже занято въ данный моментъ извѣстнымъ предметомъ, то всѣ другія одновременныя ощущенія остаются имъ незамѣченными и доходятъ до него лишь на сколько при возвращеніи нашего вниманія къ другому одновременному ощущенію мы встрѣчаемъ какія-либо оставшіяся впечатлѣнія, дающія возможность вникнуть въ его содержаніе (impressio remanens).

До того же заключенія доходитъ, на основаніи собственныхъ новыхъ опытовъ, извѣстный физіологъ и психологъ

Вунтъ *, который говоритъ: „Очевидно, невозможность многихъ одновременныхъ актовъ мышленія можетъ имѣть одинъ только смыслъ, когда они относятся къ одному и тому же мыслящему субъекту. Конечно, онъ не можетъ вмѣстѣ слышать и видѣть, образовывать понятія и обращать вниманіе на представленіе; напротивъ, всѣ эти факты у него должны слѣдовать одинъ за другимъ. И на какомъ основаніи? Только потому что всякій актъ относится къ одному и тому же мыслящему лицу, потому что оно когда слышитъ тонъ, полагаетъ его въ опредѣленное отношеніе къ себѣ, а если видитъ свѣтъ, локализуетъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ внѣшняго пространства, если представляетъ себѣ, то мыслитъ представленіе какъ нѣчто внѣ его или въ немъ самомъ существующее; короче потому что всякій такой актъ, такъ какъ онъ есть сознательный актъ мышленія, направляется къ *я*, какъ средоточію около котораго вращается все другое.“ **

Несмотря на вышеприведенныя изслѣдованія физіологовъ, Владиславлевъ, въ остроумномъ разборѣ ученія Вунта, отрицаетъ однако какъ точность самого факта, такъ и выведенное изъ него заключеніе относительно единства сознанія. *** Въ первомъ отношеніи онъ говоритъ: „Можетъ-быть мы не можемъ съ равною интенсивностію сознавать одновременно два какіе-нибудь акта. Но если одинъ сознается менѣе интенсивно, не слѣдуетъ что другой вовсе не сознается, что душа и неспособна сознавать нѣсколько своихъ состояній вмѣстѣ.“ Заключенію же относительно единства сознанія онъ противопоставляетъ фактъ возможности сравнить разныя

* См. соч. Владиславлева *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866 г., стр. 94 и слѣд., гдѣ находится описаніе и критика опытовъ Вунта.

** Wundt, *Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele*. 1863. Т. I, стр. 313.

*** Владиславлевъ въ приведенномъ соч., стр. 101 и слѣд.

мысли,—что̀ по его мнѣнію можетъ основываться только на возможности сознанія *вмѣстѣ* сравниваемыхъ моментовъ.

Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ Владиславлевъ забываетъ что скорость мысли, о которой самъ онъ разсуждаетъ такъ основательно, служитъ очень простымъ объясненіемъ приведенныхъ имъ трудностей. Вслѣдствіе этой скорости, доходящей, по исчисленіямъ самого Владиславлева, до тридцати трехъ понятій, выраженныхъ въ словахъ, въ одну секунду, два сравниваемыя *другъ съ другомъ* понятія представляются намъ какъ бы сознанными вмѣстѣ. Извѣстно же, напримѣръ, изъ физіологіи, что только очень малая поверхность сѣтчатки глаза воспринимаетъ свѣтъ. Эта поверхность такъ мала что на ней никогда не отражается весь видимый нами предметъ въ одинъ моментъ времени. Однакоже вслѣдствіе скорости дѣйствія зрѣнія всѣ зрительныя ощущенія извѣстнаго предмета, воспринимаемыя другъ за другомъ, сливаются въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи въ одно цѣлое и представляютъ намъ образъ всего предмета какъ будто бы въ одинъ моментъ. То же самое повторяется и при сравненіи разныхъ понятій. Мы сравниваемъ ихъ другъ за другомъ, но вслѣдствіе скорости нашего дѣйствія все сравненіе представляется намъ одновременнымъ.

Но какъ бы то ни было, и эта различная интенсивность сознанія двухъ одновременныхъ раздраженій, о которой въ вышеприведенныхъ словахъ говоритъ Владиславлевъ, не можетъ быть изъяснена физіологически, и требуетъ принятія души, заключающей въ себѣ причину этой неодинаковой интенсивности двухъ современныхъ ощущеній.

2. Но не одинъ только вышеприведенный фактъ невозможности сознательнаго воспріятія ощущеній въ одно и то же время доказываетъ существованіе души. Даже сознательное воспріятіе простѣйшаго ощущенія, даже нормальное дѣйствіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ, въ каждомъ отдѣльномъ

случаѣ, не можетъ совершиться безъ участія извѣстнаго психическаго дѣйствія, превышающаго всѣ физіологическіе процессы. Чтобы доказать это положеніе мы разберемъ самыя элементарныя явленія чувственныхъ ощущеній.

Изъ физіологіи, относительно *ощущенія*, мы знаемъ только то что единственнымъ физическимъ основаніемъ его служитъ *движеніе*. Вотъ какъ учитъ физіологія въ этомъ отношеніи: „Волны свѣта и звука суть не что̀ иное какъ только физическія движенія, которыя распространяясь по воздуху и доходя до нашихъ органовъ чувствъ, вызываютъ въ нихъ новое движеніе доходящее по нервамъ до центральнаго органа. Это послѣднее движеніе есть ближайшая причина ощущенія во всѣхъ органахъ чувствъ.“ *

Но за тѣмъ возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ это движеніе можетъ переходить въ центрахъ нервной системы въ ощущеніе?

Что̀ движеніе само по себѣ не можетъ быть ощущеніемъ, это признаютъ всѣ физіологи-критики. Развѣ только матеріалистическій догматизмъ, разрѣшающій съ непостижимымъ легкомысліемъ самые трудные физіологическіе и психологическіе вопросы, можетъ отважиться признать тождество движенія съ самымъ ощущеніемъ и допустить что не только ощущеніе, но и мысль есть *движеніе матеріи*, какъ это утверждаетъ Молешотъ.

Здѣсь-то именно находится тотъ пунктъ въ которомъ сходятся грубый матеріализмъ съ фантастическимъ идеализмомъ, гдѣ гегелизмъ переходитъ въ матеріализмъ, и наоборотъ. Людвигъ Фейербахъ, вмѣстѣ гегелистъ и матеріалистъ, представляетъ собою наглядный примѣръ тому. *Мысль есть движеніе матеріи!* Много ли нужно для того чтобы посредствомъ простой *conversio simplex* находить мысль и идею

---

* Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. Ч. II, стр. 5.

въ движеніи матеріи и доказать что какъ движеніе въ нервныхъ центрахъ, такъ и всякое другое движеніе есть мысль. Если движеніе въ *нервахъ* обладаетъ свойствомъ доходить до ощущенія и сознанія, то отчего же этимъ свойствомъ не могутъ владѣть вообще волны свѣта и звука, теплота и электричество? Вѣдь матеріализмъ часто утверждаетъ что процессы въ мозгу производящіе мысль суть процессы электричества!

Подобно приведенному догматическому матеріализму, и мнѣнія нѣкоторыхъ физіологовъ, именно Баумгертнера, Пфлюгера, Шиффа, Германа (къ коимъ можно причислить также и Сѣченова),—мнѣнія объясняющія явленія ощущенія взаимнымъ дѣйствіемъ различныхъ нервовъ, именно нервовъ чувствительныхъ и двигательныхъ,—не могутъ объяснить самаго процесса ощущенія. Краковскій физіологъ Майеръ, о которомъ упомянуто выше, говоритъ: „Еслибъ это было такъ, то-есть еслибъ ощущеніе было дѣйствительно простымъ слѣдствіемъ взаимнаго дѣйствія различныхъ нервовъ, то уже чрезъ то самое каждый физіологическій рефлексъ, какъ явленіе происходящее отъ взаимнаго дѣйствія нервовъ, чувствительныхъ и двигательныхъ, долженъ былъ бы соединяться съ сознаніемъ, чего однако въ очень многихъ случаяхъ не бываетъ.“

Поэтому, вмѣсто того чтобы вести полемику противъ такихъ гипотезъ, возникающихъ только вслѣдствіе упорной вѣры въ метафизическія предубѣжденія матеріализма, посмотримъ лучше чему насъ учитъ *критическая* физіологія объ отношеніи движенія въ нервныхъ центрахъ къ самому ощущенію. Въ этомъ отношеніи мы основываемся преимущественно на мнѣніи физіолога Людвига, который видимо склоняется къ пріемамъ матеріализма и поэтому не можетъ-быть обвиняемъ въ пристрастіи къ противоположнымъ взглядамъ.

Людвигъ прежде всего говоритъ: „До сихъ поръ ни одна теорія, даже и новѣйшая теорія электричества въ нервахъ, основанная на открытіяхъ Дю-Буа-Реймона, не могла объяснить какимъ образомъ дѣйствіемъ нервовъ обусловливаются различные акты ощущенія.“

Далѣе, относительно физіологическихъ основаній ощущенія, онъ говоритъ:* „Болѣе основательный разборъ актовъ ощущенія убѣждаетъ насъ что каждое ощущеніе соединяется съ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, то-есть съ созерцательнымъ представленіемъ. Вотъ почему мы никогда не ощущаемъ раздраженія нерва въ самомъ мозгу, но внѣ мозга, и притомъ во всѣхъ органахъ чувствъ, въ извѣстномъ направленіи и на извѣстномъ разстояніи. Эти *добавленія*, сопровождающія каждое ощущеніе, *не могутъ быть объяснены*, какъ кажется, *самимъ раздраженіемъ нервовъ*. Ибо сообразивъ, что ощущенія происходящія вслѣдствіе одного и того же раздраженія, у различныхъ лицъ, имѣютъ нѣчто особенное, что во время сна, при безпамятствѣ, при такъ-называемыхъ душевныхъ болѣзняхъ и т. п., бываютъ очень живыя ощущенія, извѣстныя подъ именемъ сновидѣній, галлюцинаціи и т. п., хотя и нѣтъ соотвѣтственнаго раздраженія нервовъ,—мы почти вынуждены признать ощущеніе *на столько независимымъ отъ нервовъ, что для его существованія раздраженіе нервовъ вовсе не необходимо*, и что такимъ образомъ нервы только *одна изъ причинъ* могущихъ вызвать ощущеніе; однимъ словомъ, нервы только вызываютъ эти ощущенія. Если поэтому, продолжаетъ Людвигъ, мы хотимъ представить условія ощущеній, то нужно изъяснить на чемъ основывается это *добавленіе* являющееся въ мозгу и вслѣдствіе возбужденія доходящее до ощущенія, а этого-то именно и невозможно сдѣлать.“ **

---

* Ludwig, *Lehrbuch der Physiologie*. 2е изд., 1858. Ч. I, стр. 146.

** Въ томъ же сочиненіи, ч. I, стр. 593; см. тоже Ульрици, *Богъ и Природа*, русскій пер. 1867. Ч. I, стр. 221 и слѣд.

Эти мнѣнія высказанныя знаменитымъ физіологомъ, склоняющимся къ матеріализму на столько на сколько возможно съ научной точки зрѣнія, заключаютъ въ себѣ немалое доказательство того что наука должна принять самостоятельное, независимое отъ физіологическаго процесса, основаніе для объясненія *ощущенія*. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же будетъ состоять это особенное *добавленіе, независимое отъ нервовъ*, которое не требуетъ непремѣнно участія нервовъ для своего существованія, но которое только вслѣдствіе возбужденія дѣйствіемъ нервовъ производитъ ощущеніе? Вѣдь *внѣ нервной системы нѣтъ* никакихъ *физіологическихъ основаній* которыя объясняли бы это *добавленіе*, и выражали бы его физіологическую природу. Слѣдовательно это добавленіе должно заключаться въ чемъ-то совсѣмъ отличномъ отъ извѣстнаго и *возможнаго* физіологическаго процесса, — въ совершенно новомъ основаніи, называемомъ *душою*.

Съ этой точки зрѣнія вовсе не удивительно что физіологи считаютъ невозможнымъ объясненіе этого *добавленія*, этого новаго двигателя, необходимаго для того чтобы молекулярное движеніе въ нервныхъ центрахъ причиняло ощущеніе. Такъ какъ это добавленіе не имѣетъ природы физіологической, чувственной, вещественной, то чувственно мы его и наблюдать не можемъ. Если хотимъ имѣть о немъ какое-нибудь понятіе, то мы должны непремѣнно наблюдать ощущеніе *внутреннимъ чувствомъ:* тогда это добавленіе представится намъ какъ наше самостоятельное и самосознательное существо, которое именно и ощущаетъ всякое молекулярное движеніе нервовъ въ формѣ извѣстныхъ перемѣнъ своего собственнаго состоянія. Какъ простыя волны эѳира ударяясь о самостоятельный двигатель, отличный по своей природѣ отъ самого эѳира, то-есть о нервы органовъ чувствъ, условливаютъ совершенно новое движеніе, видоизмѣненное соотвѣтственно природѣ двигателя; такъ и это послѣднее движеніе въ

нервахъ, ударяясь о совершенно новый двигатель, отличный по своей природѣ отъ нервовъ, вызываетъ въ свою очередь въ этомъ двигателѣ новое движеніе, видоизмѣненное соотвѣтственно природѣ этого двигателя. Тамъ, въ нервахъ, происходитъ движеніе молекулъ; здѣсь же, въ существѣ отличающемся отъ нервовъ способностью сознанія, происходитъ и движеніе сознательное, *психическое*. Поэтому-то авторъ одного изъ самыхъ лучшихъ сочиненій касающихся анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, профессоръ Фикъ, очень вѣрно говоритъ: „Пусть разсуждаетъ о связи души съ тѣломъ кто какъ хочетъ, всегда однако *ощущеніе*, взятое само по себѣ, останется явленіемъ *нематеріальнымъ*.“ *

Понятіе о самостоятельной психической природѣ вышеизъясненнаго *добавленія*, лежащаго внѣ нервной системы, но необходимаго при производствѣ ощущеній, оправдываютъ и изслѣдованія знаменитаго Гельмгольца относительно скорости дѣйствія чувствъ. Въ особыхъ, очень важныхъ и основательныхъ разсужденіяхъ, ** Гельмгольцъ доказалъ что процессъ, производящій сознательное ощущеніе изъ физическихъ раздраженій, уже находящихся въ нервныхъ центрахъ, требуетъ болѣе времени нежели процессъ передающій раздраженіе отъ периферическихъ нервовъ къ извѣстнымъ центрамъ. Для совершенія этого послѣдняго процесса, напримѣръ для передачи раздраженія изъ пальца въ мозгъ, нужно по вычисленію Гельмгольца $^1/_{60}$ секунды; между тѣмъ для сознательнаго воспринятія въ формѣ ощущенія этого, уже находящагося въ мозгу, раздраженія потребно отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ секунды.

---

* A. Fick, *Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane*. 1864. Стр. 3.

** Helmholtz, *Nachweisungen über den zeitlichen Verlauf der Nervenerregung*. Въ J. Müllers, *Archiv für Anatomie und Physiologie*. 1850 и 1852. См. тоже: Ulrici, *Gott und der Mensch*. 1866. Ч. I, стр. 98 и слѣд.

Этотъ промежутокъ времени, проходящій между раздраженіемъ переданнымъ уже нервнымъ центрамъ и ощущеніемъ его, совершенно опровергаетъ теорію матеріализма по которой физіологическій процессъ раздраженія нервныхъ центровъ считается тождественнымъ съ психическимъ явленіемъ ощущенія. Если между физіологическимъ процессомъ въ нервныхъ центрахъ и ощущеніемъ его проходитъ извѣстное время, то очевидно что эти процессы не могутъ быть тождественны; въ этомъ обстоятельствѣ мы ясно видимъ существованіе вышепоказаннаго *добавленія*, о которомъ говоритъ Людвигъ, добавленія лежащаго внѣ нервной системы, но необходимаго для происхожденія ощущенія. Этотъ промежутокъ времени требуетъ принятія особаго, самостоятельнаго начала психическихъ явленій.

Противъ такого заключенія нельзя возражать что вышеозначенное время $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ секунды нужно для того чтобы физіологическій процессъ самъ по себѣ принялъ форму ощущенія, безъ помощи *особеннаго начала*. Физіологическій процессъ нервной системы основывается, какъ мы видѣли, единственно на молекулярномъ движеніи и электричествѣ. Только эти физическіе процессы могутъ быть основаніемъ ощущенія по теоріи матеріализма. Но неужели можно, съ физической точки зрѣнія, предполагать что молекулярное движеніе и электричество, въ первый моментъ своего появленія въ нервныхъ центрахъ не имѣющіе и слѣда способности ощущать и сознавать себя, вдругъ сами по себѣ, безъ новаго двигателя, пріобрѣтаютъ эту новую способность послѣ $^1/_{10}$ или $^1/_{20}$ секунды своего пребыванія въ нервныхъ центрахъ? Нѣтъ, это противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ законамъ. Природа физическихъ силъ постоянна и тождественна. Молекулярное движеніе и электричество, не имѣющія способности ощущать и сознавать себя въ первый моментъ своего появленія въ нервныхъ центрахъ, не могутъ пріобрѣсти эту способность и въ де-

сятый моментъ. Поэтому если между физическими процессами въ нервныхъ центрахъ и ощущеніемъ проходитъ извѣстное время, то мы должны заключить что эти процессы ощущенія, сознанія и т. д. никакъ не тождественны съ физическими процессами молекулярнаго движенія и электричества; напротивъ, мы должны заключить что они для своего объясненія требуютъ принятія новаго самостоятельнаго субъекта, отличнаго отъ всѣхъ извѣстныхъ физическихъ процессовъ.

3. Еще труднѣе объяснить, на физіологическихъ основаніяхъ, то дѣйствіе мышленія которымъ образуются изъ матеріала чувственныхъ ощущеній *представленія* и *понятія*.

Представленіе есть, какъ остроумно замѣтилъ физіологъ Майеръ, *истолкованіе* ощущеній соотвѣтственно отношеніямъ времени и пространства. Существуетъ эмпирико-психологическій фактъ что мы не ограничиваемся ощущеніемъ и не сознаемъ его тамъ гдѣ оно происходитъ, то-есть въ нервныхъ центрахъ, но на основаніи ощущеній производимъ извѣстное представленіе внѣшней причины нашихъ ощущеній и представляемъ себѣ эти причины въ формѣ внѣшнихъ предметовъ, въ отношеніяхъ времени и пространства. Этотъ фактъ снова превышаетъ всѣ извѣстные намъ физіологическіе процессы.

Еслибы мы и допустили что физіологическій процессъ переходитъ самъ по себѣ въ ощущеніе, безъ содѣйствія самостоятельнаго психическаго существа, то все-таки осталась бы безъ объясненія возможность отличія причины ощущенія отъ него самаго и представленія этой причины въ формѣ внѣшняго предмета, существующаго независимо отъ ощущенія. Откуда происходитъ эта совершенно новая способность? На основаніи вышеприведеннаго предположенія матеріализма что физіологическій процессъ *самъ по себѣ* стано-

вится ощущеніемъ, мы кое-какъ еще можемъ представить себѣ что въ извѣстныхъ нервныхъ центрахъ является ощущеніе; но какимъ образомъ ощущеніе не ограничивается самимъ собою, не остается единственнымъ психическимъ явленіемъ, а противупоставляется раздраженію изъ котораго произошло и ясно отличается отъ него? Далѣе, какимъ образомъ мы не ощущаемъ раздраженія тамъ гдѣ оно физіологически вызываетъ ощущеніе, то-есть въ нервныхъ центрахъ, а переносимъ эти ощущенія наружу, представляя себѣ разные внѣшніе предметы какъ причины нашихъ ощущеній? Все это остается непонятнымъ и необъяснимымъ при всемъ вниманіи къ вышеприведенному предположенію.

Какая, спрашиваемъ, можетъ быть физіологическая причина того что мы въ силахъ отличить само ощущеніе отъ его причины и представлять себѣ эту послѣднюю въ формѣ внѣшняго предмета?

Вотъ какъ учитъ относительно этого физіологія. „Ни одно чувственное ощущеніе,“ говоритъ физіологъ Функе, * „не даетъ возможности узнавать непосредственно внѣшность и объективность. Понятіе о внѣшности причины, производящей ощущеніе, никогда не можетъ быть содержаніемъ самого ощущенія. Мы не ощущаемъ волнъ свѣта и звука, но ощущаемъ только раздраженіе нервовъ, вызванное этими волнами и совершенно отъ нихъ отличное. Еслибы поэтому душа, продолжаетъ Функе, ограничивалась исключительно такими ощущеніями, то никогда не могла бы она дойти до понятія о внѣшности свѣта и звука (свѣтъ и звукъ существовали бы для насъ лишь въ самихъ нервныхъ центрахъ, но не внѣ насъ). Подобнымъ образомъ и ощущеніе, вызванное прикосновеніемъ къ какому-нибудь тѣлу, нисколько не доказываетъ намъ того что причиной этого ощущенія служитъ

* Funke, *Lehrbuch der Physiologie*, 1860, ч. I, стр. 4.

самостоятельный внѣшній предметъ и т. д. Только вслѣдствіе какихъ-то *новыхъ* процессовъ душа убѣждается въ томъ что причина этихъ ощущеній внѣшняя.“

Какіе же эти *новые* процессы, вслѣдствіе которыхъ наше сознаніе убѣждается во внѣшности причинъ своихъ ощущеній, и доходитъ въ этомъ отношеніи даже до того что впадаетъ часто въ другую крайность, относя ко внѣшнимъ причинамъ даже субъективныя ощущенія, не имѣющія соотвѣтственныхъ причинъ внѣшнихъ, какъ этому служатъ доказательствомъ видѣнія, галлюцинаціи и т. д.?

Прежде всего мы видимъ что здѣсь прекращается непрерывное развитіе процесса ощущенія. Ощущеніе само по себѣ никогда не можетъ приписать внѣшнимъ причинамъ свое собственное содержаніе, и не можетъ никогда само по себѣ произвести представленіе о внѣшнихъ предметахъ. Дѣйствительное физіологическое сѣдалище ощущенія находится въ нервныхъ центрахъ, а эти послѣдніе, по извѣстнымъ физіологическимъ процессамъ, ощущаютъ только собственныя перемѣны какъ ближайшую причину ощущенія, но не ощущаютъ внѣшняго предмета, который никакъ не есть непосредственная и подлинная причина ощущеній.

Каждый видитъ что въ этомъ процессѣ происхожденія представленій внѣшнихъ предметовъ скрывается новый дѣятель, который уже не просто продолжаетъ прежній процессъ, но данный матеріалъ самостоятельно преобразовываетъ согласно своимъ собственнымъ основаніямъ. Только при помощи постояннаго внимательнаго опыта, при помощи сравненія разныхъ ощущеній между собою и многосложныхъ умозаключеній, мы образуемъ представленія внѣшнихъ предметовъ. Но всѣ эти новыя дѣйствія опыта, сравненія, умозаключеній и т. д. никакъ не могутъ быть объяснены на основаніи прямыхъ физіологическихъ процессовъ ощущенія. Развѣ можно предполагать что движеніе молекулярное или

электричество владѣютъ способностью дѣлать опыты надъ самими собою, сравнивать свои отдѣльные моменты и т. п.?

Объ участіи самостоятельнаго психическаго начала въ производствѣ представленій изъ чувственныхъ ощущеній можно лучше всего убѣдиться при анализѣ представленій чувства *зрѣнія*.

Въ физіологическомъ отношеніи зрѣніе есть не что̀ иное какъ ощущеніе различныхъ раздраженій вызванныхъ въ сѣтчатой оболочкѣ падающими лучами свѣта и переданныхъ мозгу. Физіологически свѣтъ есть совершенно субъективное, внутреннее ощущеніе, происходящее въ извѣстныхъ центрахъ органа зрѣнія. Поэтому физіологически мы должны ощущать явленія свѣта въ мозгу, въ формѣ субъективныхъ перемѣнъ нашего собственнаго состоянія, то-есть состоянія нашей нервной системы. Между тѣмъ, вмѣсто этой субъективности и внутренности физіологическихъ процессовъ зрѣнія, они получаютъ для насъ значеніе объективное, внѣшнее. Мы видимъ предметы не въ мозгу, не въ глазу, но внѣ насъ; мы не ощущаемъ изображеній предметовъ въ формѣ субъективныхъ явленій происходящихъ внутри насъ, но онѣ являются намъ изображеніями объективныхъ, отъ насъ независимыхъ внѣшнихъ предметовъ.

Этотъ объективный результатъ зрѣнія, въ отличіе отъ его субъективныхъ физіологическихъ основаній, указываетъ ясно на дѣйствіе совершенно новаго рода, превосходящее физіологическій процессъ.

Въ первые моменты зрѣнія свѣтъ дѣйствительно ощущается физіологически, то-есть только внутри зрительныхъ нервовъ, безъ всякаго представленія о внѣшности причины свѣта. Это очень наглядно можетъ быть наблюдаемо на слѣпыхъ отъ роду, счастливо оперированныхъ въ зрѣломъ возрастѣ. Въ первые моменты послѣ операціи они ощущаютъ

свѣтъ въ самихъ себѣ какъ внутреннее пріятное или непріятное состояніе, и только послѣ извѣстнаго времени видятъ разныя изображенія внѣшнихъ предметовъ. Но въ началѣ и эти изображенія не доставляютъ больнымъ яснаго представленія внѣшнихъ предметовъ, а являются только процессомъ въ самомъ глазѣ. Только постепенно, на основаніи ежедневнаго опыта, оперированные слѣпые привыкаютъ къ нашему обыкновенному зрѣнію, видя предметы внѣ себя и опредѣляя ихъ положеніе и разстояніе въ пространствѣ. Въ этомъ примѣрѣ намъ ясно представляется постепенное развитіе таинственнаго процесса зрѣнія, съ которымъ мы свыкаемся безсознательно.*

Откуда, спрашиваемъ, происходитъ это постепенное преобразованіе внутреннихъ, чисто субъективныхъ ощущеній, въ объективное воззрѣніе на внѣшній міръ? Есть ли какая-нибудь *физіологическая* причина которая объясняла бы этотъ переходъ? Развѣ физическія и физіологическія основанія процессовъ зрѣнія настолько измѣняются отъ теченія времени? Какимъ образомъ то что̀ въ первые моменты, на основаніи законовъ физическихъ и физіологическихъ, является намъ какъ процессъ внутренній, въ слѣдующіе моменты принимаетъ для насъ же характеръ внѣшняго предмета и внѣш-

---

* Мы не можемъ здѣсь подробно описать всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій постепеннаго развитія зрѣнія, и ссылаемся на слѣдующія изслѣдованія: Purkynie, *Sinne im Allgemeinen* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, ч. III, отдѣл. 1, стр. 352 и слѣд. Ruete, *Lehrbuch der Ophthalmologie*, 1853, ч. I, стр. 257 и слѣд., и того же автора *Ueber die Existenz der Seele*, 1863, стр. 63 и 77, и особенно важный для психологическаго изученія труда Дельбефа (Delbeuf): *Essai d'une théorie psycho-physique de la manière dont l'oeil apprécie les distances, les angles et les grandeurs. Bulletins de l'Académie de Bruxelles*, ч. XIX. Изъ русскихъ сочиненій сюда относится ясный и основательный психологическій анализъ дѣйствія чувствъ, въ особенности зрѣнія, въ *Курсѣ общей педагогики*, П. Юркевича, 1869, стр. 337 и слѣд.

ней причины? Нѣтъ, физика и физіологія сами по себѣ не имѣютъ никакихъ средствъ для изъясненія этого перехода въ развитіи чувства зрѣнія. Лучи свѣта падающіе на сѣтчатку слѣдуютъ въ первый моментъ тѣмъ же самымъ законамъ какимъ и въ послѣдній. Остаются неизмѣнными и органическая конструкція глаза, и физіологическій процессъ раздраженія нервовъ, равно какъ и процессъ ихъ молекулярнаго движенія. Однако вышеприведенный переходъ совершается. Слѣдовательно онъ совершается силою новыхъ причинъ, превосходящихъ знакомые намъ физическіе и физіологическіе процессы. И дѣйствительно, только тѣмъ что въ насъ присутствуетъ какое-то дѣйствующее существо, которое мыслитъ, останавливается надъ принятыми ощущеніями, сравниваетъ ихъ между собою и на основаніи такого сравненія дѣлаетъ выводы, — только этимъ можемъ мы объяснить тотъ фактъ что мы отличаемъ ощущеніе свѣта отъ его причины и доходимъ до объективнаго воззрѣнія на внѣшній міръ. Безъ допущенія такого самостоятельно дѣйствующаго существа мы изъ физіологическаго матеріала ощущеній никогда не могли бы познать предметовъ въ ихъ различныхъ отношеніяхъ, въ ихъ послѣдовательности и формѣ, протяженіи, положеніи, движеніи и т. д.,—словомъ, въ отношеніяхъ времени и пространства.

Кромѣ этой возможности *объективнаго* зрѣнія, и всѣ другіе его моменты на каждомъ шагу доказываютъ участіе самостоятельнаго психическаго существа. Изъ этихъ моментовъ вотъ самые поразительные: вопервыхъ, возможность соединенія различныхъ, отдѣльныхъ зрительныхъ ощущеній въ одно цѣлое; вовторыхъ, возможность пластическаго зрѣнія, то-есть представленія предметовъ не только въ измѣреніяхъ широты и высоты, но еще и въ измѣреніи толщины.

Относительно перваго момента, физіологія учитъ что сѣтчатка есть какъ бы мозаика сложенная изъ множества от-

дѣльныхъ чувствительныхъ точекъ. Каждая изъ этихъ точекъ имѣетъ свой особый путь къ извѣстному центру, гдѣ производитъ ощущеніе. Вслѣдствіе того каждый предметъ возбуждаетъ въ зрительныхъ нервахъ множество отдѣльныхъ ощущеній.

Но, спрашивается, какимъ образомъ это множество отдѣльныхъ ощущеній свѣта соединяется въ одно *представленіе*, въ которомъ мы видимъ какъ цѣлое, такъ и составляющія его части?

Физіологической причины для этого нѣтъ. Съ физіологической точки зрѣнія представляется намъ только слѣдующая альтернатива. Или отдѣльныя ощущенія разныхъ моментовъ одного и того же предмета происходятъ въ отдѣльныхъ нервахъ не соединяющихся между собою, что̀ въ дѣйствительности и есть: въ такомъ случаѣ соединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ моментовъ въ одно цѣлое не имѣетъ соотвѣтственнаго физіологическаго основанія. Или же всѣ эти отдѣльныя ощущенія, происходящія отъ одного предмета, соединяются въ одномъ нервномъ центрѣ: въ такомъ случаѣ они должны тоже слиться въ одно общее ощущеніе, въ которомъ нельзя никоимъ образомъ отличить его составныхъ началъ. Въ томъ и другомъ изъ этихъ единственно возможныхъ случаевъ, тотъ фактъ что мы можемъ образовать одно цѣлое представленіе и отличать въ немъ его отдѣльныя части, превосходитъ физіологическія основанія зрѣнія и доказываетъ участіе самостоятельнаго психическаго существа.

То же самое повторяется при пластическомъ зрѣніи. Физіологически на сѣтчаткѣ изображаются предметы только въ формѣ плоскости, то-есть только въ измѣреніяхъ широты и высоты. Внѣшній міръ, физіологически, долженъ намъ представляться только какъ картина, безъ всякой выпуклости и пластичности. Между тѣмъ мы привыкли видѣть предметы въ пластичной формѣ, и представляемъ себѣ, вмѣстѣ съ ихъ

широтой и высотой, и толщину ихъ. Это третье измѣреніе есть психическое добавленіе, не имѣющее соотвѣтственнаго основанія въ физическихъ и физіологическихъ процессахъ зрѣнія, которые объясняютъ лишь плоскія изображенія предметовъ. Только на основаніи частныхъ опытовъ и сравненій разныхъ ощущеній между собою, то-есть на основаніи новыхъ, отъ физіологическихъ процессовъ совершенно отличныхъ дѣйствій, мы постепенно привыкаемъ къ пластическому зрѣнію и къ оцѣнкѣ толщины предметовъ.

Подобныя доказательства присутствія самостоятельнаго психическаго начала въ человѣкѣ повторяются и въ другихъ явленіяхъ зрѣнія (напримѣръ въ единичномъ зрѣніи при двухъ глазахъ; въ прямомъ зрѣніи при обратномъ отраженіи предметовъ на сѣтчаткѣ, и т. п.), и вообще въ дѣйствіи всѣхъ остальныхъ чувствъ. Такъ что несомнѣнно вѣрны слова знаменитаго физіолога Пуркинье, сказанныя имъ, на основаніи глубокихъ изслѣдованій, въ вышеприведенной статьѣ о дѣйствіи чувствъ, что „безъ принятія самостоятельныхъ психическихъ способностей нельзя ни на одинъ шагъ подвинуться въ анализѣ чувственныхъ представленій“.

4. Сюда также относится фактъ возможности отличенія, въ здоровомъ состояніи ума, различныхъ галлюцинацій органовъ чувствъ отъ представленій дѣйствительно вызванныхъ внѣшними стимулами. Съ физіологической точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между галлюцинаціями и ощущеніями или представленіями причиненными дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ. Въ первомъ и во второмъ случаѣ, нервная система производитъ извѣстное, свойственное ея природѣ, конечное дѣйствіе, то-есть производитъ ощущеніе зрѣнія или ощущеніе звука въ нервныхъ центрахъ, каковы бы ни были причины этихъ ощущеній. Для самого ощущенія совершенно все равно, вызвано ли оно внѣшними раздраженіями или какими-нибудь внутренними, органическими причинами; оно

обладаетъ въ первомъ и во второмъ случаѣ одинаковымъ значеніемъ и одинаковою физическою вѣрностью.

Приведемъ положенія спеціалистовъ. Вирховъ говоритъ: „Между настоящимъ объективнымъ зрѣніемъ, которое абсолютно требуетъ внѣшняго глаза, и субъективнымъ зрѣніемъ (видѣніе, галлюцинація, фантазма), разница не въ томъ что первое реально, а второе нѣтъ. Оба равно реальны, и имѣютъ одну и ту же самую дѣйствительную причину въ раздраженіи извѣстныхъ органовъ ощущенія.“ * Грефе же прямо говоритъ что для нашего мозга совершенно равно получаетъ ли онъ раздраженія извнѣ или отъ внутреннихъ причинъ. **

Вотъ почему столь трудно бываетъ убѣдить сумашедшихъ въ ложности ихъ галлюцинацій. Они, по свидѣтельству психіатровъ, говорятъ что то что̀ другіе называютъ галлюцинаціями, для нихъ имѣетъ ту же самую физическую достовѣрность какъ и то что̀ они слышатъ отъ врача, и если они вѣрятъ послѣднему, то должны вѣрить и тому что̀ въ другое время съ равною убѣдительностью видятъ и слышатъ.

Но съ другой стороны, несмотря на эту невозможность физическаго отличенія галлюцинацій отъ представленій дѣйствительныхъ, здоровый въ умственномъ отношеніи человѣкъ часто убѣждается въ недѣйствительности своихъ галлюцинацій, и при помощи вниманія можетъ контролировать и критиковать всѣ психическія произведенія, можетъ убѣждаться насколько эти произведенія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ объективнымъ дѣятелямъ или же имѣютъ природу чисто субъективную. Извѣстно что разные знаменитые люди, какъ напримѣръ Картезій, Мальбраншъ, Спиноза, Моисей Мендельсонъ, Бетговенъ и многіе другіе имѣли различныя очень

---

* Virchow, *Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medicin*, 1862, стр. 9.

** Graefe, *Sehen und Sehorgan*, 1867, стр. 15.

сильныя галлюцинаціи; но они однакоже ясно отличали эти галлюцинаціи отъ дѣйствительныхъ созерцаній и не вѣрили въ ихъ объективность, хотя онѣ представлялись имъ также сильно какъ и раздраженія зрительныхъ нервовъ вызванныя внѣшними стимулами. Они дѣлали это отличіе именно на основаніи разумной критики своихъ ощущеній и разбора ихъ причинъ, при помощи разныхъ опытовъ и умозаключеній.

Но такая критика различныхъ психическихъ продуктовъ не можетъ основываться на нервной системѣ, потому что въ ней-то именно мы и не имѣемъ никакого критерія для отличія галлюцинаціи отъ дѣйствительности. Такая критика можетъ быть только слѣдствіемъ самостоятельнаго дѣйствія вниманія, разсматривающаго разные психическіе продукты и дающаго о нихъ сужденіе, соотвѣтственно своимъ собственнымъ основаніямъ, независимымъ отъ явленій нервной системы. Основанія эти доводятъ до интеллектуальной увѣренности, часто отвергающей самую сильную чувственную очевидность, какъ это напримѣръ оказывается при повѣркѣ всѣхъ чувственныхъ обмановъ. Въ томъ и другомъ случаѣ ясно доказывается самостоятельность и превосходство интеллектуальнаго начала въ человѣкѣ надъ всѣми физическими явленіями.

III.

Къ весьма важнымъ явленіямъ, доказывающимъ самостоятельное начало душевной жизни, относится вліяніе *чувствованія и фантазіи* на организмъ человѣка.

На основаніи многихъ неоспоримыхъ эмпирическихъ фактовъ можно убѣдиться что очень часто, вслѣдствіе чисто-психическихъ дѣятелей чувствованія и фантазіи, являются въ тѣлѣ различныя измѣненія, которыя нерѣдко принима-

ютъ характеръ патологическій. Вліяніе на тѣлесный организмъ различныхъ душевныхъ потрясеній, какъ-то: радости и печали, любви и ненависти, покоя и испуга, также вліяніе различныхъ фантастическихъ призраковъ, вліяніе надежды, вѣры и т. д. влечетъ за собою явленія замѣчаемыя въ медицинской практикѣ каждымъ мыслящимъ врачомъ. „Такъ, напримѣръ, отвращеніе, дѣйствуя на желудокъ, обусловливаетъ тошноту и рвоту; испугъ имѣетъ связь съ нижнею частью пищеварительнаго канала и производитъ разслабленіе желудка; ожиданіе влечетъ за собою сердцебіеніе, ужасъ значительно ослабляетъ его, сильный смѣхъ и веселость производятъ помимо воли испусканіе мочи; воображеніе вкусныхъ блюдъ имѣетъ слѣдствіемъ усиленное отдѣленіе слюны; гнѣвъ производитъ спазматическое сокращеніе мышцъ, сомнѣніе же и упадокъ духа угнетаетъ ихъ и парализуетъ, и т. д.“

Очень часто случается что вѣра въ какое-нибудь медицинское средство имѣетъ слѣдствіемъ дѣйствительное излѣченіе, хотя данное средство не производило никакихъ физическихъ измѣненій. Подобнымъ образомъ прежніе и новѣйшіе антропологи приводятъ многочисленные примѣры тому что ложное убѣжденіе въ употребленіи вредныхъ средствъ, напримѣръ яда, или другія фантастическія вліянія, влекли за собою въ дѣйствительности явленія подобныя тѣмъ какія воображали себѣ больные. Извѣстенъ фактъ, описанный антропологомъ Линдеманомъ * и другими, что одинъ изъ учениковъ знаменитаго профессора Борхева всегда заболѣвалъ тою болѣзнью о которой бесѣдовалъ профессоръ въ своихъ лекціяхъ. Подобный случай разказываетъ извѣстный вѣнскій врачъ Фейхтерслебенъ:** одно только чтеніе живаго описанія водобоязни (hydrophobia) вызвало въ читающемъ дѣйствительные

* Lindemann, *Lehre vom Menschen oder Anthropologie*, 1845, стр. 385.

** Feuchtersleben, *Aerztliche Seelenkunde*, 1845.

симптомы этой болѣзни. Извѣстный же психіатръ, Лейдесческихъ впечатлѣній, можетъ произвести *дѣйствительныя* патологическія явленія, и притомъ до такой степени что, по дорфъ, * говоритъ что больной гипохондрикъ, силою психическихъ напряженія своего вниманія, онъ въ силахъ переносить эти патологическія явленія въ разныя части организма. Подобно тому и г. Сѣченовъ, ** не признающій самостоятельнаго вліянія души на тѣло, приводитъ однако изъ собственнаго наблюденія замѣчательный случай, въ которомъ „воображеніе производитъ одинаковый эффектъ съ реальнымъ чувственнымъ возбужденіемъ". Это разказываетъ онъ объ одномъ господинѣ который способенъ вызывать у себя *гусиную кожу* даже въ теплой комнатѣ. „Для этого, по словамъ г. Сѣченова, онъ долженъ только вообразить что ему холодно."

Сюда относятся приведенные спеціалистами факты въ которыхъ разныя лица, силою свободнаго намѣренія, могутъ извнутри раздражать нервную систему и производить въ себѣ разныя галлюцинаціи и фантастическія видѣнія, зависящія въ своемъ существованіи, развитіи и содержаніи исключительно отъ свободной психической энергіи. ***

Наконецъ здѣсь нужно упомянуть объ общеизвѣстномъ вліяніи психическаго состоянія на развитіе разныхъ болѣзней. Во время эпидеміи опасеніе и испугъ становятся очень серіозными причинами дѣйствительнаго заболѣванія; между тѣмъ какъ спокойствіе души, забывающее всѣ опасности, есть одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей охраняющихъ людей отъ эпидеміи. Каждому хорошо извѣстно какъ часто чисто психическія причины: ненависть и любовь, печаль и радость

---

* Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 151.

** Сѣченовъ, *Рефлексы головнаго мозга*, 1866, стр. 130.

*** См. въ этомъ отношеніи: Brierre de Boismont, *Des Hallucinations*, 1862, стр. 451, 565 и 568. Ruete, *Ueber die Existenz der Seele*, 1863., стр. 37 и слѣд.

гордость, тщеславіе, суета и т. д. влекутъ за собою сумашествіе, а вслѣдствіе того и патологическія измѣненія въ мозгу. * Извѣстно наконецъ что неожиданная радость или внезапный испугъ или гнѣвъ, въ очень многихъ случаяхъ, были даже причиною смерти.

Эмпирическіе факты относящіеся къ такому вліянію психическихъ явленій на организмъ тщательно собраны различными авторами, каковы Домрихъ, ** Дескюре *** и Эккенбергъ. † Въ ихъ трудахъ можно найти большое число хорошо подмѣченныхъ и сопоставленныхъ фактовъ, подобныхъ тѣмъ которые приведены выше.

Объясненіе всѣхъ этихъ фактовъ на основаніи чисто физическомъ есть задача не только трудная, но и просто невозможная для рѣшенія съ матеріалистической точки зрѣнія. Если душа есть одно изъ отправленій нервной системы, то требуется доказать что всѣ вышеприведенныя явленія вызваны исключительно вліяніемъ нервной системы на остальныя отправленія тѣла. Но какже доказать это, когда во всѣхъ вышеупомянутыхъ фактахъ нервная система видимо служитъ только органомъ для явленій психическихъ, яв-

* Медицинская статистика извѣстнѣйшихъ психіатровъ доказываетъ ясно преобладаніе *психическихъ* причинъ умалишенія надъ соматическими. Guislain, *Leçons sur les phenopathes*, 1852, ч. II, стр. 41, числитъ на сто случаевъ сумашествія 66 происходящихъ отъ психическихъ причинъ. Marcè, *Traitè des maladies mentales*, 1862, стр. 120, принимаетъ такихъ случаевъ 70 на 100 у женщинъ, и 55 у мущинъ. Это преобладаніе психическихъ причинъ подтверждаетъ и Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 145.

** Domrich, *Die psychischen Zustände, ihre organische Vermittelung und ihre Wirkung in Erzeugung körperlicher Krankheiten*, 1849.

*** Descuret, *La mèdecine des passions ou les passions considèrées dans leurs rapports avec les maladies, les lois et la religion.* 3 изд. 1860.

† Eckenberg, *Die Kräftigung des Körpers durch den Geist, mit empirisch psychologischen Gründen, sowie mit historischen und insonderheit statistischen Nachweisen belegt.* 1864.

ляется только какъ посредствующая причина, которая дѣйствуетъ вслѣдствіе первоначальныхъ психическихъ причинъ?

По мнѣнію матеріалистовъ, на нервную систему могутъ дѣйствовать исключительно только физическіе дѣятели. Какой же, спрашиваемъ, дѣйствуетъ физическій дѣятель, когда часто одно только слово, напримѣръ сообщеніе какого-нибудь факта, чтеніе письма, или даже свободное намѣреніе и т. п. могутъ вызвать сильное раздраженіе нервной системы, которое влечетъ за собою измѣненія физическія или даже патологическія? Развѣ движеніе воздуха, ударяясь о слуховые нервы, или изображеніе письменныхъ знаковъ на сѣтчатой оболочкѣ и т. п. могутъ быть причиной достаточною для объясненія вышеприведенныхъ явленій? А если это и такъ, то какже объяснить различіе послѣдствій вызванныхъ однимъ и тѣмъ же *физическимъ* дѣятелемъ, и зависящихъ отъ разнаго психическаго содержанія этого физическаго дѣятеля, напр. отъ смысла звуковъ, письма и т. п.? Между выраженіями сообщающими пріятное извѣстіе и словами передающими печальный смыслъ нѣтъ никакого физическаго различія. Тѣ и другія, по своей физической природѣ и сущности, представляютъ одни и тѣ же явленія. Откуда же происходятъ совершенно различныя послѣдствія въ нервной системѣ? Развѣ сама нервная система можетъ останавливаться надъ содержаніемъ принятыхъ словъ и вызывать въ себѣ различныя явленія по смыслу этого содержанія? На чемъ можетъ она основывать такое различіе содержанія звуковъ, письма и т. п., когда физически не представляется никакого различія между ними при самомъ противоположномъ содержаніи ихъ? Отчего одно слово вызываетъ въ нервной системѣ смѣхъ, а другое плачъ? Развѣ физіологическій путь этихъ словъ различенъ, развѣ нервный процессъ пріятнаго слова иной чѣмъ непріятнаго? или развѣ мы имѣемъ разные нервы для воспринятія словъ пріятнаго и

непріятнаго значенія, какъ напримѣръ имѣемъ разные нервы для принятія разныхъ цвѣтовъ? Нѣтъ, этого допустить нельзя; потому остается заключить что нѣтъ никакой физической и физіологической причины для объясненія вышеприведеннаго различія въ дѣйствіи разныхъ психическихъ моментовъ на нервную систему.

Здѣсь мы имѣемъ предъ собой явленіе которое самымъ осязательнымъ образомъ даетъ возможность усмотрѣть различіе между чисто физическими и психическими явленіями. Однѣ и тѣже физическія причины, въ одной и той же нервной системѣ, на основаніи одного и того же нервнаго процесса молекулярнаго движенія, и даже въ одно и то же время, влекутъ за собою совершенно *различныя* послѣдствія, соотвѣтственно разному *психическому* содержанію заключающемуся въ физическихъ стимулахъ.

Говоря о вліяніи чувствованій и фантазіи на тѣло, нельзя не упомянуть о такъ-называемыхъ явленіяхъ *стигматизаціи*, то-есть о различныхъ наружныхъ физическихъ страданіяхъ причиняемыхъ исключительно вліяніемъ фантазіи въ субъектахъ преданныхъ религіозному экстазу. Правда, эти факты нельзя признать несомнѣнными до такой степени чтобы на нихъ можно было основывать отдѣльныя доказательства самостоятельнаго существованія души; но они заслуживаютъ вниманія какъ матеріалъ весьма важный для критическаго анализа.

Главнѣйшіе факты, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, собралъ профессоръ Гёрресъ * въ своемъ обширномъ сочиненіи о мистицизмѣ. Кто не захочетъ вѣрить показаніямъ этого автора, дѣйствительно по большей части преувеличеннымъ, тотъ можетъ обратить вниманіе на критическое описаніе этихъ фактовъ у очевидцевъ-врачей.

---

* Görres, *Christliche Mystik*, 1836, ч. II., *Geschichte der Stigmatisirten* См. тоже J. H. Fichte, *Anthropologie*, 1856, стр. 479 и слѣд.

Врачъ и профессоръ въ Мюнстерѣ Дрюфель описалъ *, въ 1814 году, извѣстное въ новѣйшее время явленіе *стигматизаціи Екатерины Эммерихъ*. Послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюденій, несмотря на всю свою критику и даже скептицизмъ, вышепоименованный врачъ доходитъ наконецъ до заключенія что въ данномъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ подлинности *фактовъ*, то-есть въ явленіи наружныхъ страданій тѣлесныхъ вызванныхъ чисто психическими дѣятелями. Подобные факты замѣчены врачами на Маріи де-Мёрль, Доминикѣ Лаззари и другихъ. ** Множество явленій того же рода изслѣдовалъ и подвергъ критикѣ извѣстный психіатръ Гейнротъ въ своей исторіи мистицизма; *** а профессоръ медицины Эннемозеръ въ Боннѣ обогатилъ эти наблюденія многими новыми фактами въ своемъ сочиненіи о магнетизмѣ. **** Между новѣйшими авторами по этому предмету заслуживаютъ особеннаго вниманія Пейсъ, ***** Фигье † и Перти, †† которые вышеприведенныя явленія объясняютъ на критическихъ основаніяхъ.

Хотя, какъ мы упомянули выше, всѣ этого рода мистическія явленія, какъ и явленія *лунатизма*, *сомнамбулизма* и, можетъ-быть, *спиритизма*, только съ большою осмотри-

---

* Drüffel, въ *Salzburger medicinische Zeitung*, 1814, ч. I., стр. 145 до 158, и ч. II, стр. 17 до 96.

** См. Léon Boré, *Les Stigmatisées du Tyrol ou l'exstatique de Kaldern et la Patiente de Capriana. Relations traduites de l'italien, de l'allemand et de l'anglais*, 1843, и Brierre de Boismont: *Des Hallucinations*, 3 изд., 1862, стр. 314 до 321.

*** Heinroth, *Geschichte und Kritik des Mysticismus*, 1830.

**** Ennemoser, *Der Magnetismus im Verhältniss zur Natur und Religion*, 2-е изд, 1853.

***** Peisse, *La médecine et les médecins*. 1857. Ч. I. Chap. 5. *Critique des faits dits impossibles, extraordinaires, surnaturels.*

† Figuier, *Histoire du merveilleux dans les temps modernes*, 1860.

†† Perty, *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur*. 1861.

тельностью можно принимать къ свѣдѣнію въ нашемъ вопросѣ, но все-таки они представляютъ богатый матеріалъ, который при дальнѣйшихъ тщательныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ, конечно, доставитъ не одно доказательство самостоятельнаго начала психическихъ явленій и ихъ дѣятельнаго вліянія на тѣло.

IV.

Одно изъ главнѣйшихъ эмпирико-психологическихъ основаній для изслѣдованія вопроса о существованіи души есть явленіе *самостоятельной* и *свободной воли* человѣка.

Явленіе это въ психическомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ слѣдующіе моменты:

Идеальную законность въ отличіе отъ слѣпой законности физическаго бытія.

Самостоятельную инициативу и способность избирать цѣли для своихъ дѣйствій, и наконецъ

Энергію, противящуюся часто самымъ сильнымъ физическимъ требованіямъ.

1. *Идеальная законность воли* является въ извѣстныхъ природныхъ запросахъ и требованіяхъ нравственности. Она есть фактъ доказываемый психологическими наблюденіями надъ жизнью не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлаго рода человѣческаго.

Существованіе религіи и извѣстныхъ понятій о нравственности у всѣхъ безъ исключенія народовъ доказываетъ что установленіе какихъ-либо идеальныхъ принциповъ для практической дѣятельности въ жизни есть природная психическая потребность человѣка. Мыслящій человѣкъ не дѣйствуетъ наобумъ, лишь бы дѣйствовать, безъ разсужденій, чисто инстинктивно, а старается уяснить себѣ законы своего дѣйствія, и усвоиваетъ себѣ понятія о дѣйствіи приличномъ и

законномъ въ формѣ идеальной нормы, которой долженъ онъ быть вѣренъ, если хочетъ осуществить свое истинное призваніе, свою задачу въ жизни.

„Каждый человѣкъ, говоритъ извѣстный въ литературѣ профессоръ медицины Будге, * создаетъ въ душѣ своей извѣстный *идеалъ*, которымъ руководствуется въ жизни; каждый представляетъ себѣ чего онъ можетъ и чего онъ долженъ достигнуть въ своемъ ближайшемъ и отдаленнѣйшемъ будущемъ; провѣряетъ силы своего тѣла, соразмѣряя ихъ съ дѣйствіями ведущими къ задуманной цѣли; взвѣшиваетъ свои духовныя способности и, сообразуясь съ ними, обозначаетъ для себя то общественное положеніе какое хотѣлъ бы занимать; сличаетъ свои требованія съ требованіями другихъ, и дѣлаетъ выводъ на сколько именно онъ въ правѣ требовать любви, дружбы, уваженія и почести; создаетъ свое-собственное понятіе о пріятномъ и непріятномъ, удобномъ и неудобномъ, о томъ что̀ его возмущаетъ. Однимъ словомъ, каждый человѣкъ, вездѣ и на каждомъ шагу, собираетъ все богатство разнородныхъ произведеній своей фантазіи, и изъ нихъ вырабатываетъ свой идеалъ, который прячетъ во глубинѣ сердца, если принадлежитъ къ числу мудрыхъ. Идеалъ этотъ, правда, измѣняется, смотря по состоянію, возрасту, опытности и т. д. Иной онъ у работника, иной у купца, иной у артиста, иной у ученаго, иной у дѣвушки, иной у юноши, иной у женщины, иной у дѣловаго человѣка. У одного онъ хрупокъ какъ стекло, а у другаго такъ упругъ что уляжется во всякую форму. Но каждый обладаетъ своимъ идеаломъ; ни одна живая душа безъ него обойтись не можетъ. Стремленіе къ идеалу, это дыханіе психической жизни человѣка; съ устраненіемъ этого стремленія послѣдо-

---

* Budge, *Ueber den Schmerz. Ein populärer Vortrag*, 1866, стр. 6 и слѣд.

вала бы смерть души. Отъ этого идеала зависятъ всѣ потрясенія души. Все подходящее къ этому идеалу радуетъ человѣка; а отдаленіе отъ него возбуждаетъ самое мучительное изъ страданій, — страданіе души.“

Дѣйствительно, каждый мыслящій человѣкъ нуждается въ такомъ идеалѣ, въ такомъ понятіи о задачѣ и цѣли своего существованія и въ такой нормѣ, къ которой могъ бы примѣнять свои дѣйствія, на основаніи которой бы могъ цѣнить свой прогрессъ и свое развитіе. Общее господствующее въ семьѣ человѣческой различіе между истиной и ложью, между добромъ и зломъ, служащее основаніемъ всему усовершенствованію человѣческаго рода, имѣетъ свое психическое начало въ существованіи извѣстнаго нравственнаго идеала. Только вслѣдствіе того что большинство людей вырабатываетъ въ себѣ такой идеалъ и доходитъ до извѣстнаго понятія о задачѣ и назначеніи человѣческой жизни, только вслѣдствіе этого возникаютъ между людьми нравственные обычаи, религія и общественный порядокъ.

Эту общую идеальную потребность человѣка относительно его жизни и дѣйствія никакъ нельзя объяснить съ одной лишь физической точки зрѣнія, изъ основъ чистаго матеріализма. Откуда происходитъ этотъ неоспоримый эмпирическій фактъ что человѣкъ чувствуетъ свою зависимость отъ извѣстныхъ нравственныхъ понятій, отъ извѣстныхъ идеальныхъ требованій, которыя въ немъ установились и съ которыми онъ сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ? Съ матеріалистической точки зрѣнія, фактъ этотъ представлялся бы намъ какъ зависимость всей нервной системы, то-есть жизни психической, отъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій этой жизни, именно отъ этихъ нравственныхъ понятій. Итакъ, нравственныя понятія, именно съ этой точки зрѣнія, будучи, подобно всѣмъ психическимъ явленіямъ, только временными произведеніями нервной системы, имѣли бы возмож-

ность вліять на самое дѣйствіе этой системы, или, что̀ все равно, слѣдствіе вліяло бы назадъ, на причину, отправленіе на органъ.

Легко доказать что такой выводъ противенъ какъ здравой логикѣ, такъ и самимъ основаніямъ на которыхъ стоитъ матеріализмъ.

Если психическія явленія будутъ только отправленіями нервной системы, то само отправленіе никогда не можетъ вліять на свой органъ. Отправленіе есть всегда только простое слѣдствіе дѣйствія органа, и зависитъ отъ него безусловно. Каковъ органъ, таково и отправленіе. Измѣненія и новыя явленія отправленій никогда не могутъ происходить отъ этихъ же отправленій, но могутъ происходить только отъ органа. Лишь насколько измѣняется самъ органъ, настолько можетъ измѣниться и его отправленіе. При такой безусловной зависимости отъ органа, отправленіе никогда не можетъ вліять назадъ на органъ. На органъ можетъ дѣйствовать только другое, самостоятельное вліяніе, измѣняющее его элементы, но никакъ не его собственное отправленіе, представляющее только рефлексъ его временнаго состоянія.

Подобно тому, и въ нашемъ случаѣ, невозможно чтобы временныя явленія и отправленія нервной системы, ея произведенія, называемыя нравственными понятіями, могли оказывать возвратно дѣйствіе на всю нервную систему. Однако факта измѣнить нельзя; нельзя отвергнуть что извѣстныя понятія и нравственныя требованія руководятъ всѣми дѣйствіями человѣка, образомъ его мыслей и т. д. Значитъ фактъ этотъ требуетъ иного объясненія, то-есть надо признать что эти нравственныя понятія, вліяющія на всю нервную систему человѣка, основываются на самодѣятельныхъ началахъ, происходятъ отъ самостоятельнаго, отлична-

го отъ нервной системы существа, происходятъ отъ души вліяющей на тѣло посредствомъ своей самодѣятельности.

Если не допустимъ такого самобытнаго существованія души, то всѣ нравственныя явленія жизни человѣка останутся необъясненными. Тогда будетъ невозможно понять эту неоспоримую двойственность между идеальнымъ запросомъ и дѣйствительностью, между нравственными требованіями и практикой, которая отъ нихъ часто отступаетъ, между добромъ и зломъ; тогда нельзя будетъ понять фактъ *отвѣтственности*, въ которомъ проявляется сознаніе человѣка что онъ въ силахъ дѣйствовать какъ въ духѣ своихъ нравственныхъ требованій, такъ и самостоятельнымъ образомъ противорѣчить имъ.

На основаніи физическихъ законовъ, матеріализмъ не можетъ изъяснить этотъ эмпирически - познаваемый дуализмъ нравственной жизни человѣка. Если же онъ, вслѣдствіе этой невозможности, вмѣсто объясненія, отрицаетъ самый фактъ и устраняетъ всякую нравственную разницу между правдой и ложью, добромъ и зломъ, то этимъ онъ выказываетъ только свое противорѣчіе какъ дѣйствительности, такъ и логическимъ и нравственнымъ требованіямъ природы человѣка, въ силу которыхъ ни одинъ истинно мыслящій не можетъ не допустить осязательной разницы между правдой и ложью, между добромъ и зломъ, прекраснымъ и безобразнымъ, ибо въ этомъ различіи лежитъ необходимая основа всякаго истинно-человѣческаго прогресса.

2. Второе психическое явленіе воли есть ея самостоятельная *инициатива* и способность избирать цѣль для своихъ дѣйствій.

Нигдѣ въ природѣ не видимъ мы чтобы физическія силы дѣйствовали сами по себѣ, по своему лишь желанію, чтобы сами были причиной своихъ дѣйствій. Въ сферѣ чисто-физическаго міра господствуетъ общій законъ механики, по

которому ни одна вещь сама себя двигать не можетъ. Всѣ физическія явленія происходятъ отъ извѣстныхъ предшествующихъ имъ причинъ. Природа представляетъ намъ рядъ послѣдовательныхъ явленій, изъ коихъ ни одно не бываетъ безъ причины, а каждое является какъ слѣдствіе предыдущихъ дѣйствій. Поэтому отыскиваніе причинъ физическихъ явленій міра безконечно, и мы никогда не можемъ дойти здѣсь до первѣйшей, самой главной причины, которая бы объясняла свое дѣйствіе изъ самой себя.

Въ явленіяхъ психической причинности дѣло совсѣмъ другое. Тутъ во многихъ случаяхъ очень легко дойти до главной причины дѣйствія, не допускающей уже дальше вопроса: почему? Свободная воля, чистая самостоятельность, предпамѣреніе, вотъ причины которыя устраняютъ дальнѣйшіе вопросы: почему дѣлается такъ, а не иначе?

Каждый человѣкъ, на основаніи внутренняго опыта, доходитъ до сознанія что онъ самъ есть причина своихъ дѣйствій, что его дѣйствія не происходятъ отъ какой-нибудь посторонней силы заставляющей его дѣйствовать такъ или иначе, но что онъ самъ по себѣ такъ дѣйствуетъ, что онъ самъ главная причина, истинный субъектъ своихъ дѣйствій, и можетъ измѣнить эти дѣйствія какъ ему угодно. Правда, свобода человѣка встрѣчаетъ извѣстное ограниченіе во внѣшнемъ мірѣ, но это ограниченіе относится только къ практическому исполненію цѣлей, а не ко внутреннему предпамѣренію. Несмотря на внѣшнія ограниченія дѣйствія, каждый мыслящій человѣкъ предпосылаетъ ему размышленіе, то-есть обсуждаетъ свои стремленія и требованія, предвидитъ послѣдствія могущія возникнуть изъ дѣйствія, и наконецъ избираетъ себѣ цѣль, которую стремится реализовать при помощи соотвѣтственныхъ средствъ устраняющихъ по возможности всѣ препятствія. „Все что̀ дѣлается вслѣдствіе напередъ обдуманнаго плана, мѣтко говоритъ профессоръ Лот-

це, * что̀ въ различныхъ случаяхъ различно происходитъ, что̀ въ силахъ противорѣчитъ общему правилу и естественной цѣли, все это есть несомнѣнное проявленіе свободнаго дѣйствія души, стремящейся къ достиженію самодѣятельныхъ, хотя не рѣдко и ошибочныхъ цѣлей.“ Поэтому-то и того факта что человѣкъ сознаетъ самодѣятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, что самого себя считаетъ онъ свободною причиной дѣйствія и тѣмъ самымъ дѣлаетъ исключительно себя отвѣтственнымъ за послѣдствія своихъ прежде обдуманныхъ дѣйствій, этого психическаго факта отвергать нельзя.

Теорія матеріализма только тогда могла бы, въ виду этого факта, защищать и удерживать свое мнѣніе о физической необходимости человѣческаго дѣйствія, когда бы она доказала что это сознаніе самодѣятельности и самоотвѣтственности—психическій обманъ. Но именно это доказать и невозможно.

Еслибы мы хотѣли сослаться въ такой наглядной истинѣ на возможность психическаго обмана, то тѣмъ самымъ мы потеряли бы точку опоры для доказательства истины вообще. Разъ допустивъ возможность такого обмана, мы могли бы допустить и то что мнѣніе усматривающее психическій обманъ въ вышеприведенномъ сознаніи свобододѣйствія, въ свою очередь, и само есть обманъ; а вслѣдствіе того, съ этой точки зрѣнія, мы никогда не могли бы окончательно рѣшить вопросъ о свободной волѣ; значитъ и матеріализмъ, на основаніи этой же теоріи психическаго обмана, не имѣетъ права рѣшить этого вопроса въ свою пользу. Напротивъ и въ такомъ случаѣ теорія о свободной волѣ, ссылаясь на фактъ сознанія самодѣятельности и самоотвѣтственности человѣка, равно какъ и на всѣ практическія слѣдствія этого сознанія, имѣла бы за собою гораздо бо́льшую вѣроятность.

---

* Lotze, въ статьѣ *Instinct* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. Ч. II, стр. 26.

Но положимъ что вышеприведенная теорія матеріализма заслуживаетъ болѣе серіознаго вниманія; во всякомъ случаѣ, мы отъ нея прежде всего должны требовать естественнаго объясненія этого психическаго обмана, по которому всѣ люди, даже матеріалисты, считаютъ себя свободными и дѣйствуютъ такъ какъ бы имѣли свободную волю, хотя по этой теоріи подлежатъ законамъ необходимости. Откуда происходитъ возможность такого обмана, если психическая жизнь есть не что иное какъ простое слѣдствіе необходимаго дѣйствія нервовъ? Развѣ необходимое дѣйствіе нервовъ можетъ произвести психическія явленія совершенно противоположныя причинѣ вызвавшей ихъ къ жизни? Развѣ физическое раздраженіе нервной системы можетъ проявить себя въ дѣйствіяхъ имѣющихъ характеръ самостоятельнаго стремленія къ ясно сознаннымъ цѣлямъ? Откуда, спрашиваемъ, въ физическомъ существѣ, подлежащемъ закону необходимости, происходитъ уже одна эта *мысль свободы и самостоятельности?* Матеріализмъ, съ своей точки зрѣнія, на всѣ эти вопросы не можетъ дать никакого отвѣта, а здравый смыслъ и всякая аналогія съ общими законами природы не допускаютъ объясненія этого неоспоримаго психическаго факта изъ матеріалистическихъ основаній.

Знаменитый физіологъ и психіатръ, Шрёдеръ фанъ-деръ-Колькъ, очень вѣрно говоритъ: * „Матеріализмъ хочетъ сдѣлать изъ насъ телеграфный аппаратъ, но безъ телеграфиста, автоматъ дѣйствующій наобумъ, непослѣдовательно и безцѣльно, безъ ума и разсудительности; онъ хочетъ сдѣлать изъ насъ мечтателей, не могущихъ отдать себѣ отчета въ собственныхъ мечтаніяхъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ.

---

* Schröder van der Kolk, *Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten auf anatomisch-physiologischer Grundlage,* 1863, стр. 25.

Мы обладаемъ способностью заставлять дѣйствовать нашу мысль по извѣстному направленію, согласному съ нашею волей. А это доказываетъ что въ насъ дѣйствуетъ извѣстная высшая способность, которая воспринимаетъ сырой матеріалъ ощущеній, приводитъ его въ стройный порядокъ и господствуетъ надъ нимъ. Мы обладаемъ телеграфнымъ аппаратомъ, но въ немъ есть и телеграфистъ, который свободно и самостоятельно дѣйствуетъ на него.“ Дѣйствительно, матеріализмъ оспаривающій существованіе свободной воли, а тѣмъ самымъ и существованіе самостоятельнаго психическаго начала въ человѣкѣ, противорѣчитъ какъ простѣйшимъ правиламъ логики, такъ и несомнѣннымъ эмпирическимъ фактамъ относящимся къ изслѣдуемому вопросу.

3. Наконецъ, самымъ наглядным доказательствомъ существованія могучей самодѣятельности человѣческой воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отличія души отъ тѣла, служитъ *энергія* воли. Благодаря этой энергіи, человѣкъ, какъ существо психическое, можетъ уклоняться отъ непосредственныхъ запросовъ жизни физической и обладаетъ способностью проявлять свою духовную самодѣятельность въ противорѣчіи съ самыми сильными физическими требованіями.

Если человѣкъ, во имя предвзятыхъ идеальныхъ цѣлей, по своей собственной волѣ, можетъ настолько отчуждаться отъ физическихъ требованій своего организма что въ случаѣ столкновенія между идеей и матеріей, между психическими и физическими требованіями, стоитъ на сторонѣ первыхъ, противодѣйствуя послѣднимъ, то въ виду этого мы должны признать что такая могучая воля и энергія должны происходить отъ чего-то особаго, отличнаго отъ физической природы человѣка.

Физическая природа человѣка не можетъ противорѣчить самой себѣ. Понятіе о какой-нибудь внутренней борьбѣ не имѣетъ никакихъ основаній въ физическомъ бытѣ человѣка.

Природа во всѣхъ своихъ явленіяхъ вѣрна самой себѣ. Съ чисто физической точки зрѣнія, не подлежитъ спору вышеприведенное мнѣніе матеріализма, высказанное Фохтомъ, что организмъ самъ надъ собою господствовать не можетъ. Но все это нисколько не доказываетъ чтобы человѣкъ вообще не могъ управлять собою, и чтобы въ немъ не находилось какое-то существо которое господствуетъ не только надъ самимъ собой, но отчасти и надъ организмомъ.

Неоспоримые факты подтверждаютъ это послѣднее заключеніе и доказываютъ что человѣкъ можетъ управлять собой и требованіями своего организма. Такъ напримѣръ одинъ изъ основныхъ законовъ физической жизни есть инстинктъ *самосохраненія*, соединяющій въ себѣ, съ одной стороны, стремленіе ко всему что̀ возбуждаетъ жизненную дѣятельность, а съ другой — природное отвращеніе отъ всего что̀ вредно или болѣзненно дѣйствуетъ на организмъ. Если-бы человѣкъ дѣйствительно былъ существомъ только физическимъ, то конечно никакая сила не могла бы ограничить его инстинктъ самосохраненія, который, по мнѣнію матеріализма, есть главная пружина самостоятельной жизни животнаго. Однакожь, не только исторія энтузіазма и фанатизма, но и исторія всеобщаго образовательнаго развитія человѣка, исторія наукъ, религіи, культуры и искусствъ показываетъ намъ не одинъ, но сотни примѣровъ преобладанія духа надъ тѣломъ, во имя ли жажды правды и знанія, или же изъ стремленія осуществить идеалъ высшаго человѣческаго совершенства какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и во всемъ обществѣ. Какъ же объяснить всѣ эти факты, повторяющіеся ежедневно въ жизни человѣка, безъ принятія самостоятельной, отъ физическихъ силъ отличной, *энергіи* духа?

Надо идти наперекоръ природѣ человѣка, надо отвергнуть истинно-человѣческое его начало, потерять сочувствіе

ко всѣмъ прекраснымъ и благороднымъ дѣйствіямъ человѣчности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, стать ниже животныхъ дѣйствующихъ лишь вслѣдствіе инстинктивныхъ побужденій, чтобы высказывать и послѣдовательно развивать мнѣнія матеріализма: что умъ человѣческій не можетъ господствовать надъ страстями и долженъ быть ихъ рабомъ (Юмъ), что господство надъ самимъ собой такъ же невозможно какъ невозможно господство надъ отправленіями организма (Фохтъ), что вещественность, отрицаніе духовной стороны, есть спасеніе человѣка (Фейербахъ)! Поэтому хорошо говоритъ Беръ: * „Кто самъ не обладаетъ сознаніемъ энергіи и самодѣятельности своего духа, кто вслѣдствіе софистическихъ выводовъ отвергаетъ ихъ бытіе, тотъ не достоинъ чтобы въ немъ снова возбудить это сознаніе.“ Дѣйствительно, въ истинѣ такого непосредственнаго факта внутренней жизни, каково сознаніе высшихъ нравственныхъ стремленій и отвѣтственности за бо́льшую или ме́ньшую энергію въ ихъ осуществленіи, можно сомнѣваться только либо по одному лишь упрямству и нежеланію бросить свое ложное убѣжденіе, либо, что̀ еще хуже, вслѣдствіе совершеннаго нравственнаго упадка, прикрывающагося щитомъ мнимой теоріи.

V.

Ко всѣмъ вышеприведеннымъ и, какъ намъ кажется, неопровержимымъ доказательствамъ существованія самостоятельной души, прибавляемъ здѣсь нѣкоторыя другія доказательства, касающіяся отношеній мозга ко психическимъ явленіямъ.

---

* Baer, *Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?* 1862, стр. 40. См. тоже въ этомъ отношеніи Jessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855, стр. 513.

1. Матеріализмъ ссылается въ своихъ психологическихъ теоріяхъ исключительно на физіологическій методъ. Онъ не обращаетъ вниманія на самый предметъ своихъ разсужденій, то-есть на психическія явленія, и не разбираетъ этихъ многосложныхъ, также подлежащихъ опыту, и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ съ тѣмъ чтобъ объяснить ихъ на основаніяхъ своей теоріи. Нѣтъ; единственнымъ основаніемъ матеріалистическихъ изслѣдованій и положеній служитъ только анализъ взаимнаго отношенія мысли къ мозгу и мозга къ мысли. Матеріализмъ спрашиваетъ только: находится ли какая-нибудь соотвѣтственность между физіологическими и психическими явленіями? И если онъ въ томъ или другомъ случаѣ можетъ доказать что дѣйствительно съ извѣстнымъ физіологическимъ процессомъ соединяется извѣстный психическій, то онъ думаетъ что такіе факты даютъ полное эмпирическое доказательство его теоріи, которая началомъ всѣхъ психическихъ явленій принимаетъ исключительно органическіе процессы.

Но этотъ способъ доказательства вовсе не согласуется съ элементарными методологическими требованіями какъ логики, такъ и естественныхъ наукъ.

Признанная взаимная связь двухъ явленій и извѣстная зависимость ихъ другъ отъ друга еще нисколько не доказываютъ *тождества* этихъ двухъ явленій. Вслѣдствіе этого можно доказывать что съ извѣстнымъ физіологическимъ процессомъ соединяется соотвѣтственный процессъ психическій; можно доказывать что психическія дѣйствія очень часто условливаются извѣстными физіологическими отправленіями: но все это еще не даетъ намъ никакого права отрицать самостоятельное существованіе души и ея отличіе отъ тѣла, какъ то дѣлаетъ матеріализмъ.

Для положительнаго доказательства отрицательной теоріи матеріализма нужно было бы изслѣдовать не связь психическихъ явленій съ физіологическими, но самыя психиче-

скія явленія, и показать что они всѣ легко объясняются изъ физіологическихъ процессовъ, безъ всякой помощи со стороны понятія о душѣ. Этой-то именно попытки матеріализмъ доселѣ не только не дѣлалъ, но и сдѣлать не въ состояніи, какъ доказали мы выше, на основаніи анализа эмпирико-психологическихъ фактовъ.

Чтобы наше положительное доказательство существованія самостоятельнаго начала психическихъ явленій усилить еще критикою отрицательной теоріи матеріализма, мы обратимъ, наконецъ, вниманіе на нѣкоторыя отношенія нервной системы ко психическимъ явленіямъ, доказывающія что даже мнѣніе о безусловной зависимости души отъ тѣла (не говоря уже о ихъ тождествѣ) не имѣетъ основаній въ современной критической наукѣ.

2. Однимъ изъ главнѣйшихъ доказательствъ зависимости психическихъ явленій отъ тѣла, а вслѣдсвіе того и тождества души и тѣла, служитъ для матеріализма сравнительная анатомія мозга у разныхъ животныхъ. Матеріализмъ извлекаетъ изъ нея положеніе что постепенное развитіе психическихъ способностей у животныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ постепенному развитію ихъ мозга. Основаніемъ для доказательства этого факта служили то объемъ, то тяжесть, то химическій составъ, то наконецъ количество извилинъ мозга. Но до сихъ поръ ни въ одномъ изъ этихъ отношеній сравнительная анатомія мозга не показала органическаго начала для объясненія постепеннаго развитія психическихъ способностей у животныхъ.

Вотъ что̀ свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ физіологовъ нашего времени, Фолькманъ:* „Матеріализмъ влюбился въ положеніе что между мозгомъ и психическою жизнію

---

* Volkmann, статья *Gehirn,* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie.* Ч. I, стр. 568.

замѣчается параллельное развитіе. Но доказательства его были неосновательны и даже отчасти произвольны. Неосновательность эта состояла именно въ томъ что говорили о параллелизмѣ развитія, не показывая прежде всего начала, по которому можно было бы опредѣлять степень органическаго развитія. Геніальный Беръ, продолжаетъ Фолькманъ, доказалъ что животныя образованы не по одному общему типу, а если это такъ, то всѣ сравненія степеней развитія безтолковы или по крайней мѣрѣ невѣрны и измѣнчивы. Мозгъ слизняковъ не можетъ быть названъ *менѣе* совершеннымъ чѣмъ мозгъ насѣкомыхъ, однакожь эти послѣднія стоятъ гораздо выше первыхъ въ психическомъ отношеніи; по всей вѣроятности они стоятъ даже выше рыбъ и многихъ земноводныхъ, хотя мозгъ этихъ послѣднихъ болѣе похожъ на мозгъ человѣка. Сравнивая потомъ птицъ съ млекопитающими, очень трудно сказать въ которомъ изъ этихъ двухъ видовъ болѣе развита психическая жизнь; однако мозгъ млекопитающихъ несравненно болѣе развитъ. Къ такому же результату приводитъ сравненіе животныхъ одного и того же класса,— сравненіе которое будетъ болѣе основательно, такъ какъ у однородныхъ животныхъ легче оцѣнивать и сравнивать степень мозговаго развитія. Мозгъ обезьянъ болѣе всѣхъ другихъ похожъ на мозгъ человѣка, однакоже слонъ, собака и лошадь по своимъ способностямъ, безъ сомнѣнія, стоятъ не ниже ея. Чрезвычайно развитъ мозгъ дельфина, у котораго трудно предполагать большія способности. Напротивъ, у бобра мозгъ очень неразвитъ, а онъ очень высоко стоитъ не только по своему искусству, но и по способности къ приученію. Сравнивая мозгъ слона съ мозгомъ свиньи трудно дать тому или другому преимущество, а между тѣмъ слонъ владѣетъ несравненно высшими психическими способностями. Уже изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, заключаетъ Фолькманъ, оказывается, какъ неосновательно то положеніе что

между развитіемъ мозга и психическою жизнью существуетъ параллелизмъ.“ *

Словомъ, сравнительная анатомія мозга до сихъ поръ нисколько не подтверждаетъ мнѣнія матеріализма о зависимости развитія психическихъ способностей отъ развитія мозга. Поэтому до сихъ поръ еще не опровергнуто утвержденіе сравнительной психологіи о томъ что различная степень психическаго развитія зависитъ не исключительно отъ разности мозга, но и отъ разности психической организаціи, то-есть организаціи души. Напротивъ, еслибъ оправдалось со временемъ любимое положеніе матеріализма что мозгъ нѣкоторыхъ породъ обезьянъ совершенно похожъ на мозгъ человѣка, тогда сейчасъ приведенная истина сравнительной психологіи получила бы только еще новое доказательство. Ибо, при совершенномъ тождествѣ мозга обезьяны и мозга человѣка, огромная разница ихъ психической жизни показала бы только независимость психическихъ способностей отъ организаціи мозга. Мозгъ являлся бы въ такомъ случаѣ тѣмъ что онъ и есть въ сущности, то-есть прямо орудіемъ, органомъ, инструментомъ души. Развѣ сходство и тождество двухъ инструментовъ убѣждаетъ насъ что и артисты, на нихъ играющіе, должны быть похожи другъ на друга? Нѣтъ, нисколько. Артисты, имѣя разныя способности, совершенно разнятся въ игрѣ своей на одномъ и томъ же инструментѣ. Отчего же совершенно разныя психическія способности обезьяны и человѣка не могутъ произвести совершенно различныхъ психическихъ явленій при совершенномъ сходствѣ ихъ мозговъ?

Но еслибы сравнительная анатомія со временемъ предста-

---

* Подробный разборъ этого вопроса объ отношеніи развитія мозга къ развитію психической жизни можно найти въ соч. Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, переведенномъ въ *Сборникѣ современныхъ христіанскихъ писателей*, 1868, стр. 11 и слѣд.

вила физіологическія и анатомическія разности въ обоихъ мозгахъ, разности соединенныя съ соотвѣтственными психическими явленіями, то все еще остается мѣсто для вопроса: зависитъ ли разность психическихъ способностей отъ организаціи мозга или, наоборотъ, послѣдняя зависитъ отъ первой? Каждый видитъ что ни анатомія, ни физіологія не могутъ рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ вопросъ объ этой причинности лежитъ внѣ методовъ ихъ изслѣдованій. Вопросъ этотъ требуетъ прежде всего основательнаго анализа психическихъ явленій; а выше мы видѣли къ какимъ результатамъ ведетъ такой анализъ по отношенію къ самостоятельности психическаго начала въ человѣкѣ.

3. Другое доказательство будто бы подтверждающее матеріалистическую теорію видятъ матеріалисты въ зависимости нормальнаго психическаго дѣйствія отъ здороваго состоянія мозга. Какъ только мозгъ подлежитъ какимъ-нибудь патологическимъ измѣненіямъ, то, говорятъ они, и психическія явленія принимаютъ характеръ ненормальности, или болѣзни; изъ этого они заключаютъ что мысль есть не что̀ иное какъ только отправленіе мозга. Но такое заключеніе вовсе не логично.

Если даже вѣренъ приведенный матеріалистами фактъ, то онъ доказываетъ одно то что психическія явленія находятся въ *извѣстной* зависимости отъ мозга, что нормальныя отправленія мозга составляютъ условіе нормальнаго проявленія психическихъ способностей. Изъ этого однако никакъ не слѣдуетъ тождество мозговыхъ отправленій съ мыслью, со психическими отправленіями. Простой пртмѣръ даетъ о томъ наглядное понятіе. Безъ инструмента артистъ не можетъ играть, и его способности не могутъ обнаруживаться; хорошо устроенный и настроенный инструментъ есть необходимое условіе хорошей музыки. На инструментѣ испорченномъ и ненастроенномъ самый совершенный

артистъ будетъ играть дурно, тогда какъ плохой артистъ сыграетъ дурно и на самомъ лучшемъ инструментѣ. Изъ всего этого, разумѣется, нисколько не слѣдуетъ однако что способности артиста и его существо зависятъ отъ хорошаго или худаго устройства инструмента.

Подобно тому и въ разсматриваемомъ случаѣ, патологическія измѣненія мозга могутъ имѣть послѣдствіемъ ненормальныя явленія психическія, но изъ этого нисколько не слѣдуетъ чтобы психическія явленія вообще были тождественны съ отправленіями мозга, какъ не слѣдуетъ и то чтобы ненормальныя психическія состоянія не являлись и при совершенномъ здоровьи мозга.

Что касается самого факта, изъ котораго матеріализмъ выводитъ свои нелогическія, слишкомъ широкія послѣдствія, то и онъ не имѣетъ твердаго основанія въ патологіи мозга.

Самые добросовѣстные изслѣдователи передаютъ намъ факты въ которыхъ, съ одной стороны, рѣзкія ненормальности психическихъ явленій не соединяются ни съ какими видимыми патологическими измѣненіями мозга, а съ другой — самыя поразительныя поврежденія мозга не влекутъ за собою никакихъ значительныхъ психическихъ измѣненій.

Относительно перваго обстоятельства извѣстный французскій психіатръ Марсе говоритъ, * что ни съ какою изъ формъ сумашествія не соединяются постоянныя характеристическія анатомическія измѣненія мозга, и что часто при очень развитомъ сумашествіи не оказывается никакихъ патологическихъ поврежденій мозга. Это подтверждаютъ и другіе психіатры. ** Жорже говоритъ что поврежденія мозга встрѣчаются только уже въ застарѣломъ сумашествіи, и что

---

* Marcé, *Traitè des maladies mentales*, 1862, стр. 168, 169, 292, 330 и 406.

** См. въ этомъ отношеніи Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 35 и слѣд.

когда сумашедшіе вскорѣ послѣ болѣзни умираютъ, то умственные органы ихъ не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, ничего такого чего не оказывалось бы также и у людей съ самымъ здравымъ разсудкомъ. Лёре же, на основаніи научной критики всѣхъ патологическихъ данныхъ, доходитъ до заключенія что поврежденія мозговыхъ органовъ встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ когда сумашествіе осложнено нарушеніемъ порядка движеній и чувствительности; въ случаяхъ же простаго сумашествія, то-есть несложнаго умственнаго разстройства, поврежденія мозговаго органа вовсе не бываетъ.

Что касается до нормальнаго дѣйствія психическихъ способностей,—при патологическихъ измѣненіяхъ мозга,—то и въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на авторитетъ знаменитыхъ спеціалистовъ.

Въ приведенной уже нами морфологіи и физіологіи мозга, Рудольфъ Вагнеръ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ что у различныхъ животныхъ можно постепенно уничтожать всѣ главныя части мозга, не замѣчая при этомъ никакихъ измѣненій въ отправленіяхъ чувственныхъ и психическихъ дѣйствій животныхъ. Онъ приводитъ тутъ же много патологическихъ наблюденій надъ человѣкомъ, при которыхъ нашелъ совершенное перерожденіе всѣхъ главныхъ частей мозга, не вліявшее однако на обычный порядокъ его психической жизни.

Наблюденія эти совершенно согласуются съ наблюденіями знаменитаго англійскаго физіолога Эберкромби, который пришелъ къ убѣжденію что нѣтъ ни одной такой части мозга которая не могла бы быть уничтожена безъ всякаго разстройства психической дѣятельности.

Подобныя же наблюденія сообщаетъ физіологъ Фолькманъ, который свидѣтельствуетъ * что у самыхъ уважаемыхъ есте-

* Volkmann, статья *Gehirn* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie,* часть I, стр. 569.

ствоиспытателей и другихъ ученыхъ оказываются примѣры размягченія, затвердѣнія и другихъ поврежденій мозга, которыя, несмотря на свое чрезмѣрное распространеніе, не имѣли никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій въ психическомъ отношеніи. Извѣстный же французскій физіологъ Лонже описываетъ * въ своей анатоміи и физіологіи нервной системы два случая, гдѣ при совершенномъ уничтоженіи обѣихъ переднихъ частей мозга, не встрѣчалось никакихъ измѣненій психическихъ. Подобно тому говоритъ и Флуранъ ** что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то спереди или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однакоже ни одной изъ своихъ способностей.

Изъ числа психіатровъ мы ссылаемся еще на мнѣнія Лейдесдорфа, который, на основаніи точнаго анализа новѣйшихъ патологическихъ данныхъ, доходитъ до заключенія *** что всѣ патологическія явленія соединяющіяся съ сумашествіемъ встрѣчаются также и безъ него. Какъ аномальное устройство черепа, такъ и всѣ болѣзни мозга, гипертрофія и атрофія, гиперемія и анемія, эксудаты и абсцессы мозга, встрѣчаются какъ у людей въ психическомъ отношеніи здоровыхъ, такъ и у больныхъ. „Опытъ учитъ, говоритъ Лейдесдорфъ, что часто при совершенномъ поврежденіи значительныхъ частей мозга не встрѣчаемъ никакихъ ненормальныхъ явленій психическихъ, даже никакого ослабленія умственныхъ способностей.“ То же самое подтверждаетъ Жюль Фальре и другіе. †

Замѣчательныя и характеристическія явленія, касающія-

---

* См. Lange, *Geschichte des Materialismus*, 1866, стр. 431.

** Смотри Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 66.

*** Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 238 и слѣд. до 303, именно 272.

† См. согласное съ этимъ мнѣніе и другихъ французскихъ психіатровъ въ сочиненіи Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 34.

ся отношенія мозга ko психическимъ способностямъ, уже собрали давно въ своихъ сочиненіяхъ Бурдахъ * и Шубертъ. ** Въ новѣйшее время упомянутый выше профессоръ физики Фехнеръ, въ Лейпцигѣ, собралъ изъ разныхъ новыхъ физіологическихъ и антропологическихъ трудовъ множество подобныхъ случаевъ и помѣстилъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ *Зендъ-Авестѣ* и *Психо-физикѣ*. ***

Сюда относится также и то явленіе, замѣченное разными физіологами и психіатрами, что помѣшанные часто предъ смертью снова получаютъ вполнѣ ясное сознаніе. Такіе помѣшанные доходятъ до яснаго понятія о своемъ состояніи, припоминаютъ себѣ все о чемъ не помнили во все время сумашествія, говорятъ разумно съ другими людьми, распоряжаются своимъ имѣніемъ и т. п., словомъ, возвращаются къ полному здравому самосознанію.

Уже Галль приводитъ такіе примѣры въ своемъ сочиненіи объ отправленіяхъ мозга, **** а Бурдахъ разказываетъ много подобныхъ случаевъ бывшихъ предметомъ его собственныхъ наблюденій. † Въ новѣйшее время знаменитый французскій психіатръ Бріэръ де-Буамонъ посвятилъ этому предмету особое основательное разсужденіе, †† а Шрёдеръ фанъ-деръ-Колькъ приводитъ новые примѣры такихъ явленій и ссылается на нихъ въ подтвержденіе самостоятельнаго су-

---

* Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*, 3й томъ, 1826.

** Schubert, *Geschichte der Seele*, 4е изд. 1847.

*** Fechner, *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits. Vom Standpuncte der Naturbetrachtung*, 1851, томъ IIй, и *Elemente der Psychophysik*, 1860, томъ III, стр 398 и слѣд.

**** Gall, *Sur les fonctions du cerveau*. 1822, томъ I, стр. 215 и слѣд.

† Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*, т. III, стр. 185 и слѣд.

†† Brierre de Boismont, *Du retour de la raison chez les aliénés mourants*, въ *Gazette des hôpitaux*, 1844, и его же *Des Hallucinations*, 3е изд., 1862 г., стр. 370 и слѣд.

ществованія души въ своемъ сочиненіи *О взаимномъ отношеніи души и тѣла.**

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе убѣдительныя доказательства существованія въ человѣкѣ духовнаго, самодѣятельнаго начала, чѣмъ эти предсмертныя явленія. Они такъ наглядно изображаютъ намъ высшее напряженіе психической силы въ критическій моментъ человѣческаго бытія, когда эта сила, несмотря на совершенное разстройство физическаго организма, стремится къ изъясненію своихъ внутреннихъ предсмертныхъ движеній.

Итакъ, изъ всѣхъ вышеприведенныхъ анатомическихъ, физіологическихъ и патологическихъ данныхъ, оказывается что отрицательная теорія матеріализма касательно существованія души не имѣетъ никакихъ дѣйствительно *научныхъ* основаній. Напротивъ, со всѣми приведенными эмпирическими данными совершенно согласуется принятіе существованія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души. Матеріализмъ не представляетъ намъ ни одного физіологическаго факта который требовалъ бы отрицанія души или доказывалъ бы что этого понятія не нужно. Между тѣмъ, съ другой стороны, основательное изслѣдованіе такихъ важныхъ психическихъ явленій какъ сознаніе, мышленіе, дѣйствіе чувствъ и фантазіи, свободная воля и т. д. на каждомъ шагу, какъ мы видимъ, приводитъ къ научному убѣжденію что для объясненія всѣхъ этихъ явленій необходимо требуется принятіе *самостоятельнаго начала* психической жизни, или, что̀ тоже, существованія *души*.

---

* Schröder van der Kolk, *Leib und Seele in Wechselbeziehung zu einander*, 1865, стр. 20.

„БУКИНИСТЪ“
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Oct. 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111.Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 312 536 A